

Микаэль Лейдон

16+

Микаэль Лейдон

СНЫ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37661504
SelfPub; 2018*

Аннотация

До сих пор не раскрыта тайна сокровищ Лимы – самого большого и самого загадочного клада в мировой истории, стоимость которого близка к миллиарду долларов. Действие романа происходит в разных временных эпохах. Первая эпоха – 1820 год, целиком и полностью основана на реальных исторических событиях, повествует о том, кто и каким образом похитил сокровища, спрятал их и сохранил свою тайну. Вторая эпоха – 2010 год, которая, во-первых, рассказывает кто, как и зачем раскрыл тайну сокровищ Лимы, и, во-вторых, объясняет, почему именно сны.

Содержание

Сон первый	5
Сон второй	15
Сон третий	22
Сон четвертый	31
Сон пятый	52
Сон шестой	66
Сон седьмой	101
Сон восьмой	132
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Иллюстрации и обложка, ч/б, карандаш – автор Е. Сухо-
рослова.

Идея обложки – <https://imgflip.com/i/rs359>.

«...В глазах канатоходца
Мир зыбок и неуловим.
И он вот-вот перевернется
И ты перевернешься с ним...»
(Галина Усова,
«Перевернутый мир»)

«...Троя старая незрима,
Где ее бывшие беды,
Боль и грусть?
Позади победы Рима,
Хоть и знаем те победы
Наизусть...»
(Хорхе Манрике,
«Стансы на смерть отца»)

Сон первый

Шторм. В клочья разрывает душу.

...Утро не принесло никаких изменений. Скверная погода продолжалась, третий день подряд свирепствовал норд-ост, принесший небывалый для этого времени года холод. Казалось, что небо является продолжением водной стихии, настолько крупные, свинцово-черные облака походили на рокочущие валы океана. И струи дождя имели такой же горький и солоноватый вкус, как и брызги бесконечных, тугих волн.

А еще они очень похожи на вкус крови, думал невысокий невзрачный человек, наблюдая, как сквозь узкий разрыв туч где-то у самого горизонта несмело пробился тонкий красноватый солнечный луч. Шторм идет слишком медленно, да еще нам в лоб, а мы и так опаздываем. На его узком лисьем лице промелькнула гримаса досады, отчего мелкие оспины сложились в замысловатый узор, сделав его похожим на выщербленную маску скандинавского бога-шутника Локи, шутки которого зачастую были вовсе не так смешны, как хотелось бы. Узкие зеленоватые глаза насторожено метались по сторонам из-под намокших прядей длинных рыжих волос, беспорядочно закрывавших высокий лоб, отчет-

го его сходство со старым умудренным лисом было просто ошеломляющим. Серый камзол уже давным давно промок насквозь, вода узкими ручейками сбегала с банданы на плечи, по чуть ссутуленной спине, где медленно растворялась в когда-то дорогом сукне. Человек этого не замечал. Внезапно он тряхнул головой, словно пробуждаясь ото сна и, приказав рулевому взять севернее на два румба, исчез в капитанской каюте.

...Рулевой, чьи покрасневшие глаза свидетельствовали о бессонной ночи, безмолвно подчинился. Шхуна тяжело накренилась на левый борт и нехотя легла на новый курс. И это несмотря на то, что еще всего лишь две недели назад она покинула ремонтные доки, где днище ее было очищено от отложений, и заменен порядком подгнивший такелаж. Впрочем, пятидневный шторм и не такой корабль измочалит. Сейчас бы кружку рома, да теплую постель, но чего нет, того нет...

В капитанской каюте было темно – под потолком горел один-единственный фонарь, который напоминал маятник каких-то невиданных часов. Раскачиваясь, он то и дело выхватывал из тяжелого и промокшего сумрака детали обстановки – старый стол с изрезанной столешницей и кипой бумаг на нем, кровать, небрежно застеленную куском просмоленного брезента. Шкаф, стоящий рядом с ней, скрипел при открытой дверцей в такт фонарю, а крыса, высунувшаяся из-за ножки, с задумчивым видом следила за его полетом.

– Сколько у нас дней?

– Не знаю. Партильо говорил, что все собрано на пирсе в прошлую пятницу, но кораблей еще не было. В воскресенье мы попали в шторм, что само по себе плохо, но одно радует, что задерживает он не только нас.

– Все равно времени теперь в обрез. Без оружия можем не успеть.

– Достанем в городе, – собеседник рыжеволосого человека откинулся на стенку каюты. – Но времени действительно мало, капитан.

– Насколько можно верить твоему индейцу?

– Пути Господни неисповедимы... – поднятые вверх руки в дрожащем свете качающегося фонаря отбрасывали на стены суматошно мечущиеся тени. – К сожалению, придется поверить ему на слово, тем более, что это наш долг по отношению к безвременно усопшим...

– У тебя отвратительная привычка убивать информаторов, Инго Барсал, – зловеще прошипел человек с лисьим лицом. – Скоро ни один из аборигенов не станет иметь с нами дел, и вместо того, чтобы помогать, они продадут нас испанцам.

– Вот поэтому-то и не стоит отпускать их живыми, – кивнул головой его собеседник.

– Раз тебе так нравится пускать кровь, иди с Бенито. Вы бы нашли общий язык. А я, как ты знаешь, люблю действовать тихо, быстро и верно, и оттого все знают Бенито Бонито по прозвищу Кровавый Меч, но никто не знает меня, и по-

этому он кончит на рее, а не в особняке на перине.

– Сдается мне, что все мы станцуем веселый танец где-нибудь в Портленде или Порт-Ройяле. Кто раньше, а кто позже.

В каюте ненадолго воцарилось молчание. Рыжеволосый задумчиво стоял у иллюминатора, косясь на сидевшего за столом лысого верзилу, своего первого помощника. Физиономия последнего и правда доверия не внушала, уж слишком она была слащавая и добродушная. Ты продашь меня так скоро, как только сможешь, я знаю. Но надеюсь, этот момент настанет слишком поздно, и я буду к нему готов. Что за жизнь наступила, никому нельзя верить, никому...

– А с Бенито я не пошел потому, – возобновил прерванный разговор помощник, – что слишком хорошо знаю тебя, хитрую лисицу. Самый жирный кусок всегда был твой, а остальным доставался разграбленный курятник. Разве нет?

– Нет, – оскалился капитан. – Я беру лучшее, тут ты прав, но что-то оставляю и другим. На этом свете золота хватит на всех, а на тот его с собой не возьмешь... Хватит болтовни. Шторм стихнет к вечеру, но погода вряд ли изменится. Нам осталось пройти миль восемьдесят-девять. Что хочешь делай, хоть в паруса дуй, но к вечеру третьего дня мы должны быть на месте. Если мы не успеем до конвоя, в открытом море у нас не будет ни единого шанса – от галеона нам не уйти, а без полновесных пушек мы даже бой с нашими кулевринами принять не сможем. Так что всю команду на палубу, и, начиная с сегодняшнего дня, ни одна сволочь

не покинет ее без моего приказа!

– Но, капитан...

– Надеюсь, тебе не стоит напоминать, что единственное оружие на борту – это мои пистолеты? И пусть запомнят, чем меньше нас будет потом, тем больше придется на долю каждого, так что долго я размышлять не буду. Свободен.

С ненавистью проследив за удаляющейся спиной помощника, рыжеволосый устало опустил за стол с развернутой на нем картой. Шторм стихает, но это ненадолго. Вполне возможно, что и уходить им придется в такой же шквал, если не хуже. А значит, вариантов не так много. Длинного перехода шхуна не выдержит, это – во-первых. Высокой волны она не любит, это – во-вторых. Скорость набирает медленно, это – в-третьих. Руля слушается хорошо, хоть один плюс, значит, будем уходить против ветра... Будем уходить... И, если честно, положив руку на сердце – авантюра все это. В команде меньше двадцати человек, серьезного оружия на старой шхуне нет, а замахнулись на очень многое. К тому же, в который раз пожалел он, самые смелые, самые верные, умирают первыми. Выживают трусы, только трусы... Флибустьерство здорово измельчало за последние двадцать лет. Времена Берегового Братства ушли безвозвратно. Как, впрочем, и эра королевских корсаров. Фрэнсис Дрейк, вторым совершивший кругосветное путешествие, и Томас Кавендиш, сделавший это третьим. С ума можно сойти, усмехнулся он, из трех первых кругосветников двое были джентльменами уда-

чи! Сэр Дрейк и сэр Кавендиш – цвет рыцарства Великобритании и офицеры Британского флота...

А сейчас? Сейчас офицеры этого самого флота изменяют присяге, совершенно сознательно заменяя Юнион Джек на Веселого Роджера. Интересно, скажи кто-нибудь адмиралу Нельсону, что один из его командиров, герой Трафальгарского сражения, капитан брига «Девоншир» Александр Грэхем, тот самый, блестяще выполнивший личный приказ адмирала и совершенно одурачивший испанцев своей ложной атакой, спустя несколько лет станет пиратом Альфонсо Белафонте, которого все побережье Южной Америки будет знать под именем Бенито Бонито – Blood Sword – Кровавый Меч, поверил бы победитель Великой Армады или нет? Быть беспощадным убийцей, вырезать экипажи захваченных судов, жителей прибрежных городов до единого, и при этом называть себя корсаром! Он даже не пират, он просто Кровавый Меч, свихнувшийся от этой самой крови, обезумевшая тварь, собравшая вокруг себя такое же отродье, и место которому в доках Портленда, вместе с призраками Гаспариллы, Боулза, Лабюза и Гомеса.

Странное дело, промелькнуло в его воспаленном мозгу, как можно говорить о справедливости возмездия, если такие звери выходят сухими из воды? А вся вина Уильяма Кидда заключалась лишь в том, что он, честно выполнявший свои обязанности королевского корсара, верил лордам Адмиралтейства даже тогда, когда шел на эшафот... Не доверяй ни-

кому и никогда, потому как во всем этом проклятом мире только сталь останется верной тебе, но даже она не сумеет спасти тебя... А ты, поймал он себя, сам-то ты кто? Оборотень, коварный и жестокий Лис Тихого Океана, легенды о котором рассказывают в тавернах от Огненной Земли до Панамского перешейка, и которым никто не верит, даже береговая охрана. При свете дня обычный и всеми уважаемый купец ночью превращался в изгоя общества. И ты ничем не лучше братьев Лафиттов, грабивших в Карибском море работорговцев, а затем перепродававших «черное дерево», пока в прошлом месяце корабль Жана Лафитта не был застигнут английским фрегатом у северного берега Мексиканского залива. Хотя стоит отдать тому должное – понимая безысходность положения, и не имея никакого желания сдавать в плен, старший Лафитт затопил свой корабль.

И все же, Лис слегка поморщился, когда устало поднялся из-за стола, для кого-то черный флаг только способ, но не причина, для кого-то он ничем не хуже королевских флагов Испании, Англии и Франции с Голландией в придачу, а для меня – это религия.

Он подошел к иллюминатору, в стекло которого с остервенением бился дождь и неподвижно застыл, глядя в глаза своему призрачному отражению. Одно обидно, после этого похода, если конечно повезет, в Историю попадет бывший добропорядочный капитан скромного каботажного судна, а не ты. Призрак в иллюминаторе криво ухмыльнулся, согла-

шаясь с ним.

Точно, так оно и будет, подтвердил он, почти растворившись в потоках воды, но, в конце концов, что значит имя? Набор букв, символ, не более того. Лис мотнул головой, может оно и так, да только враг должен знать, кто нанес ему удар. И тебе от этого будет легче, призрак саркастически поджал губы, когда повиснешь на стенке. Капитан махнул рукой, обшлагом камзола стирая издевательскую усмешку своего отражения. Может и не легче, но как-то спокойнее. Спокойнее и честнее. А прятаться за спинами других или, в попытке сохранить инкогнито, убивать свидетелей, тут уж без меня.

Застегнув камзол на все пуговицы, проверив и заткнув за пояс пистолеты, капитан задул фонарь и, постояв в кромешной тьме примерно с минуту, круто развернувшись, вышел из каюты.

Над океаном занимался новый день, 10 сентября 1820 года. Единственным кораблем в радиусе двухсот миль был корабль уже знакомого нам рыжеволосого капитана. Шхуна носила имя «Мэри Диар» и ее целью был порт Кальяо.

Капитана звали Скотт Томпсон.

Сон второй

Последний. Бой вдвойне жесток.

...Каково чувствовать себя последним из могикан? Он опустился на ступеньки перед входом в первый корпус и долго, наслаждаясь каждой секундой, выдыхал воздух, словно освобождаясь от чего-то неприятного внутри себя. Светило заходящее солнце, неприятно холодное для середины июня, прохладный ветерок шевелил листья деревьев.

Ощущение свежести после недавно закончившегося дождя ударило ему в голову. Забавная штука жизнь – мысль эта, сколько он не гнал ее, упрямо крутилась у него в мозгу. А моя жизнь еще забавнее, покачал он головой. Надежда школы, в один прекрасный момент забившая на учебу, но закончившая школу, тем не менее, с достойными оценками. Краснодипломник одного из престижнейших в свое время военных ВУЗов, закончивший училище со средним баллом 4,83. Офицер НИИ Минобороны... Впрочем, нет. Бывшая надежда школы, бывший краснодипломник и вот уже пять минут бывший офицер. Офицер запаса, тут же поправил он себя – офицеры бывшими не бывают.

– Привет! – раздался за спиной жизнерадостный голос и рядом с ним плюхнулся капитан в расстегнутом кителе. – А

что здесь делает гражданская сволочь?

– Плюшками балуюсь, – односложно ответил он, не отводя взгляда от жидкого зеркала огромной лужи, в котором дрожало вечернее светило.

– Тебя, говорят, поздравить можно? Случись чего, похоронят по высшему разряду, с прощальными десятью выстрелами, как и положено старшим офицерам.

Он промолчал.

– А вообще-то дурдом. Такое только в нашем российском бардаке возможно – одним приказом майора присвоить, а следующим по номеру – уволить из рядов Вооруженных сил... Куда ты теперь?

– Ты не поверишь.

– А все же?

– У меня самолет через шесть часов.

– Куда?

– В Коста-Рику.

– Та-а-ак... – протянул собеседник. – Сатурну больше не наливать.

– Как скажешь, – пожал он плечами.

– Ладно, пора мне, – капитан протянул ладонь. – Не забывай, звони. Если честно, завидую я тебе. Пока.

Глядя вслед удаляющемуся капитану, майор запаса усмехнулся:

– Я же говорил, что не поверишь.

Боже мой, как мельчает нынешнее офицерство, подумал

он. А ведь этот еще один из лучших. Всеобщая деградация. Куда подевались традиции и прочая атрибутика армии? Значит, такие традиции и такая теперь армия. Приводить проституток в офицерское общежитие стало нормой жизни, причем не только для холостых, но и для женатых офицеров.

А что тебя удивляет, майор? Сложно сказать, он пожал плечами, обрывая соломинку и привычным жестом закидывая ее между зубов. Почти как сигарета... Интересно, в который раз я так уже думаю за последние десять лет? А ведь и правда, десять с лишним лет прошло... А теперь каждый озабочен лишь полнотой своего кармана и кошелька. От лейтенанта до полковника и выше. Нет больше таможенников Верещагиных и красноармейцев Суховых, и никому за державу не обидно. Небольшая поправка, заметил он. За такую державу не обидно.

И что теперь осталось, невесело подумал он, забрасывая голову назад и впиваясь глазами в начавшие проявляться на небе звезды. Ничего. Мертвая душа. Боль от череды предательств. Нет больше веры, нет сил, и тебя больше нет. Остался лишь скелет некогда мощной боевой машины, сгнившей под дождем мелких и крупных житейских проблем. Боже мой, во второй раз повторил он, как же холодно. Как холодно в этом мире, мире, который когда-то казался таким добрым и справедливым. Действительность оказалась много хуже, и когда он адаптировался, было уже почти что поздно — все позиции проиграны, и только многократно проверенная

личная и оттого почти несокрушимая броня спасла и на этот раз. Тебе тридцать лет, хватит ныть, оборвал он себя. Вот именно, тридцать лет – ни дома, ни друзей, одни враги. Так это же хорошо, оскалился он, полная автономия, тем более, что большинство врагов уже покойники.

Июньское солнце совсем перестало греть и, отражаясь в лужах, было настолько похоже на усталый покрасневший глаз, что он рассмеялся. Вот такие и у меня глаза – усталые и покрасневшие. Глаза короля без королевства, капитана без команды, майора без армии.

Так все же, что осталось? Остался последний из могижан. Самый последний. И осталась последняя тайна, разгадать которую пытались и до него, и, скорее всего, будут пытаться разгадать и после. Только это вряд ли, он перекинул соломинку из одного угла рта в другой, я пойму тебя, Лис. Почти двести лет ты смеешься над целым миром. Почти двести лет ты являешься проклятием и легендой кладоискателей всех мастей. Но никто из них так и не понял тебя. Никто. Кроме меня.

«We got nothing to lose...»¹, кивнул он, тут ты прав, нам с тобой терять нечего. Потеряв старое, мы не смогли заставить себя захотеть новое. Потому что оно не мое. А что твое, спросил он себя?

Одиночество.

¹ We got nothing to lose (англ.) – нам нечего терять.

*...Если ты себя чувствуешь чужим,
И среди толпы вроде бы один.
Если летним днем снега хочется,
Значит, ты вернул Одиночество...*

А ведь мне и вправду хочется снега. И значит, страшнее одиночества ничего нет. Ничего, кроме одиночества возвращенного. Квадрат в квадрате. Куб в кубе. Нет, чтобы корень из корня, развеселился он. И сразу вспомнил школьного учителя физики, который всегда был в отличном настроении, и только однажды на лабораторной работе посмотрев ему в тетрадь, чуть насмешливо и грустно спросил:

– Кто тебе сказал, что квадратного корня из минус единицы не существует?

– Правила...

– Правила?! А для чего тебе нужны правила? Соблюдать или нарушать?

– Смотря по обстоятельствам! – дерзко тогда ответил он, уже тогда слышавший неподконтрольным юношей.

– Так я и думал. Беспринципная молодость, – физик грустно посмотрел ему в глаза, и он ужаснулся, увидев там побежденную мудрость и бесконечную пустоту. Глаза напоминали два ствола, которые держит усталый и еле живой солдат после многодневной битвы, которые смотрят чуть вниз, черные от пороховой гари, иссеченные бесчисленным количеством выпущенных пуль, дымящиеся сизым дымком. Их

глубина неизмерима, потому что с одной стороны находится Жизнь, а там, из черной бездны на нее смотрит Смерть.

– А как надо? – он был выбит из седла только что увиденным.

– Или живи по законам общества, а потом и умирай по ним же, или живи вне общества и вне его правил, а когда Смерть ухмыльнется тебе, то все, что тебе останется, это усмехнуться ей в ответ.

– А чему равен корень из минус единицы?

Физик обернулся, посмотрел на него с десятков секунд и произнес:

– Абсолютному одиночеству.

Затем медленно развернулся и ушел в лаборантскую, где десять минут спустя повесился. Ходило много слухов тогда – почему, из-за кого, как же так и прочее, прочее, прочее. Он тогда отрешенно простоял все три дня на переменах у раскрытого окна в зале на втором этаже, а когда кто-то из приятелей поинтересовался его мнением, коротко бросил:

– Он понял, чему равен корень из минус единицы.

И я сам теперь очень близок к этому, признался он звездам, все ярче и ярче разгоравшимся над его головой.

– Пора, – сказал он сам себе. Выплюнул соломинку, поднялся со ступенек. Отряхнулся, кинул прощальный взгляд на памятник Ленину. Вождь мирового пролетариата все также уверенно смотрел вдаль – в будущее, видимое одному ему. Майор последовал его примеру, но кроме еловой рощи-

цы ничего не увидел.

А я ведь и вправду последний, внезапно подумал он, и не просто один из последних, а один и последний. Реликт, определил он, да, именно реликт, как там по латыни-то, он слегка наморщил лоб, пытаясь воскресить в памяти еще не совсем умершие остатки классического образования – точно, *relictum*, остаток то есть. Вид растений и животных, сохранившийся как пережиток минувших эпох, как остаток далекого прошлого и не имеющий больше аналогов в современном мире.

Реликт. Могиканин. Форвард, никогда не желавший играть в защите. Истребитель, всегда взлетающий поперек взлетной полосы. Акела, Волк-одиночка. Мизерная часть имен, которые он носил! Ведь, в конце-то концов, что значит имя? Набор букв, символ или что-то большее? Это я сам, то, кем сегодня являюсь, чем сегодня живу.

И ради этого я готов умереть.

Закат между тем становился все бледнее, звезды все ярче, сигнализируя о том, что 15 июня 2010 года подходит к концу, ничего не обещая в будущем, и ничего не требуя от прошлого.

Грустно видеть, как еще один усталый человек прекращает играть в покер...

Сон третий

Начало. Зол и безоружен.

— Господин губернатор, мне кажется, что вы приукрашиваете то положение, в котором оказались. Лима для вас — лишь временное убежище. Ведь вам не хуже меня известно, что армия Сан-Мартина уже в каких-нибудь ста пятидесяти милях от столицы, не пройдет и месяца, как город падет. В связи с этим мне представляется возможным несколько увеличить вознаграждение как мое, так и команды в целом.

Губернатор, худощавый пожилой человек неопределенного возраста, поднялся со стула и нервно потер вспотевшие ладони друг о друга. Подойдя к окну, он пристальным взглядом окинул бухту, у причалов которой, словно насмехаясь над некогда преуспевающим портом, покачивался единственный корабль. Погрузка груза шла полным ходом, удивление вызывало лишь небывало мощная охрана, хотя, он слегка скривился от боли в пояснице, если знаешь о характере груза, то даже такая охрана покажется недостаточной.

— Вы знаете нашу цену, сеньор капитан, — сухо ответил он.

— Я торговец. И не являюсь вашим подданным. В предложенной вами сделке меня устраивает почти все, за исклю-

чением платы за риск. Согласен, я не испанец, и не имею неограниченного кредита доверия с вашей стороны, однако вот уже пять с лишним лет я хожу между различными портами Чили, Перу и Панамы. Не скажу, что репутация моя безупречна, редкий купец не пытается увильнуть от пошлин и налогов, но во всем остальном... – капитан сделал паузу и выжидающе посмотрел в невыразительные глаза наместника Его Католического Величества.

– Хорошо, – нехотя согласился тот после пятиминутного молчания. – Но не более полутора процентов.

Сидевший рядом с капитаном помощник, с напряжением слушавший диалог, с явным облегчением перевел дух.

– Нет, – капитан завладел золотым подсвечником и с интересом начал изучать его. – Старая вещь. Итальянская работа. Продать не желаете?

Прошло четыре дня, губернатор устало оперся об оконную раму, а я толком не только не ел, но и не спал. Четыре дня в порт Кальяо свозят привезенные со всех концов Южной Америки сокровища. Зрелище конечно потрясающее, особенно если учесть, что это не просто золото, серебро и драгоценные камни, а настоящие произведения искусства, отчеканенные и ограненные лучшими мастерами континента. Чего стоит, например, двухметровая золотая статуя Пресвятой Девы Марии с младенцем на руках – главного украшения католического храма в Лиме. А Звезда Кастилии – бриллиант чистейшей воды, который не просто ред-

чайший по величине камень, но и символ величия Испании? А теперь представьте, как все это охранять, имея всего около двухсот человек гарнизона и город на краю бунта, да к тому же осаждаемый повстанцами. Губернатор покачал головой, пытаясь отогнать подступающий сон. Капитан Томпсон прав, не пройдет и месяца, как Лима падет, и все сокровища будут не просто потеряны для короны, они будут уничтожены ордами варваров, революция для которых – лишний и совершенно законный повод грабить и убивать.

– Какой процент вы хотите?

– Полтора процента недостаточно, согласитесь, – Томпсон продолжал крутить в руках подсвечник. – Скажем... Удвойте ваше предложение, сеньор, и я уверен, команда будет не против.

Его помощник усиленно закивал головой, соглашаясь с мнением капитана.

– Это для команды, – согласился с ним губернатор. – А лично для вас?

– Моя доля неотделима от командной, – капитан улыбнулся уголками губ. – Сверх нее мне ничего не нужно... Вот разве только этот подсвечник?

– Бога ради, – махнул рукой испанец, подумав про себя, что в скором времени от его особняка камня на камне не останется, какой уж тут подсвечник.

– В таком случае с вечерним отливом мы выходим в море, господин губернатор. – Томпсон с достоинством встал из-

за стола, и его помощник тут же последовал его примеру. – Разрешите откланяться.

– Не смею вас задерживать, сеньор капитан. Боюсь только, что ваше отплытие задерживается как минимум на сутки. Окончательное решение по нашей сделке примет вице-король Перу, дон Хоакин де ла Песуэла, который должен прибыть в Лиму завтра. О, не волнуйтесь, – губернатор поднял вверх руки, заметив легкое облачко недовольства, мелькнувшее в глазах англичанина. – Я уверен, что финансовая сторона вопроса его не интересует. Его заботит лишь безопасность груза, вот почему я взял на себя смелость разместить у вас на борту двадцать стражников береговой охраны. Время, как вы сами удачно заметили, беспокойное, а ваша команда толком не вооружена. Надеюсь, у вас нет претензий ко мне?

– Что вы, как можно, – капитан учтиво поклонился. – Я всегда в полном вашем распоряжении, и верный слуга его Величества короля Испании и сеньора вице-короля Перу. Я буду у вас завтра, сразу после обеда.

...Солнечный и ужасающе душный день не спешил переходить в вечернюю прохладу, но люди этого не замечали. Во всем чувствовалась ожидание скорой осады. Большинство особняков на берегу лазурной бухты пустовали – обитатели давно их покинули, предпочтя непредсказуемость моря предсказуемой мести победителей.

– Нет, ну ты скажи, – капитан снял шляпу, превратив ее в веер, расстегивая два верхних крючка камзола, – а ведь пару

дней назад чуть от холода не подохли.

– Что ты делаешь, Лис?! – внезапно взорвался его помощник, дрожащей рукой вытирая вспотевший лоб. – На кой черт тебе понадобилось дразнить этого скрягу, выпрашивая жалкие три процента прибавки от сокровищ, которые и без того уже почти наши?! Ты мог...

– Заткнись, – капитан вежливо раскланялся с патрулем.

– ...просто вывести его из себя и прости прощай золото! А этот идиотский подсвечник! Он-то зачем тебе понадобился, когда в наших трюмах столько... – он внезапно налетел на капитана, который, резко развернувшись, оказался с ним лицом к лицу, и замолчал. Со стороны это было странное зрелище – раскрасневшийся здоровяк и низенький тщедушный рыжеволосый человечек.

– Я сказал «заткнись», – ледяным голосом напомнил рыжеволосый. – А скажи мне на милость, Инго, как я мог еще усыпить подозрительность испанца? Если бы сделал так, как говоришь ты, молча проглотив предложенные условия, головой ручаюсь, он бы нам не поверил. Да он и так не поверил – двадцать вооруженных до зубов солдат и нас девятнадцать, считая тебя и меня! Торгуясь с ним, я на пару дней отсрочил неизбежное – неужели ты предполагаешь, что нас завтра же выпустят в море, болван?!

– Но...

– Я сказал «заткнись», – температура вокруг них опустилась еще на несколько градусов. – При самом удачном рас-

кладе мы будем торчать здесь до прихода кораблей охраны. Кораблей, понимаешь ты?! И только под их конвоем выйдем из бухты. А если за это время сюда заглянет хоть какая-нибудь посудина под испанским флагом, то все сокровища благополучно переключуют из нашего трюма в ее! Даже если предположить невозможное, что не произойдет ни того, ни другого, то у пирса мы будем болтаться до тех пор, пока повстанцы не возьмут город. И тогда у нас на борту окажутся все выжившие защитники города – сколько их будет – сорок, пятьдесят?! Нет, пусть губернатор думает, что я обычный торгаш и озабочен исключительно собственной выгодой, подсвечник только лишний раз укрепил его в этом, а мы попытаемся вывернуться из петли. У нас, чтоб ты знал, времени совсем не осталось – от суток до трех. Может, оружие уже на борту?

– Лис, я...

– Меня зовут Скотт Томпсон, или капитан, или сэр. И что ты там мне ответил насчет оружия?

– Нет, я... капитан, мы не успели...

– Тогда почему я еще вижу перед собой мерзавца, который осмеливается указывать мне, что делать, не справившись с собственным поручением?! – лицо капитана внезапно побелело до такой степени, что, казалось, даже оспины разгладились.

Помощника точно ветром сдуло, с такой резвостью он сорвался с места и исчез в ближайшем переулке. Капитан еще

некоторое время стоял в прежней позе с искаженным от бешенства лицом, – вот ведь человек, а?! – мысли сталкивались друг с другом, разбиваясь вдребезги, не в силах остановиться – неужели только один я способен трезво оценивать ситуацию и находить правильное решение даже там, где его, казалось бы, нет?! Он сделал пару глубоких вдохов и оглянулся по сторонам. Да, согласился он с произнесенным вслух вопросом, порт не похож на себя. Когда мы... полгода... точно, полгода тому назад заходили в Кальяо, это был совсем другой мир... Открытые лавки, таверны на каждом углу, веселый смех, выпивка рекой и... В тот момент не хотелось приглядываться к покосившимся хижинам и роскошным дворцам на берегу океана, тогда хотелось просто забыть обо всем, забыть кто ты и где ты, сбросить с себя, словно кожу, прошлую и предстоящую жизнь, смыть кровь свою и чужую, и напиться не до полусмерти, а до нее самой. И перед тем, как винные пары окончательно одурманят и, хотя бы на мгновение, похоронят тебя, увидеть в сгущающемся черном тумане ее насмешливый оскал и попробовать на вкус остроту ее косы... Он почувствовал, как затряслись его плечи и услышал, именно услышал, свой беззвучный смех, надо же, ты просто философ, Лис, ты удивляешь меня, правда, удивляешь – расскажи о своем чувстве прекрасного экипажам взятых тобой на абордаж судов. Извечная проблема человека, который ест мясо и упорно гонит прочь мысль о том, откуда это мясо взялось... Главное, быть в ладу с са-

мим собой, тем более, что на всех не угодишь, он слегка поежился и продолжил путь к причалам, к тому же не о том ты думаешь, проблема твоя – это девятнадцать против двадцати и последующее бегство. Другого выхода нет, просто нет, а это значит, что предстоит бой, именно бой, по его губам проворной коброй скользнула ядовитая усмешка, а не резня. Бой жестокий, быстрый, скоротечный и тихий. Молниеносный и смертельный, потому как в живых не должно остаться никого из охраны, никаких пленных, никаких раненых, Лис вздохнул и запрокинул голову навстречу стремительно багровеющему небу.

Удивительно чистое и прозрачное, оно окрашивалось в багрянец, яркий и ослепительный у горизонта и еле различимый в ночной черноте над головой. Звезды, еще бледные и едва-едва заметные, похожие на маленькие жемчужины, причудливо разбросанные чей-то небрежной рукой, лениво переливались в розовой дымке... Дома словно таяли в густом и вязком воздухе, постепенно растворяясь – сначала исчезала крыша, затем стены начинали колыхаться, постепенно становясь все тоньше и тоньше, смешно, подумал он, скоро только я останусь живым посреди это покинутого королевства. А почему бы и нет, он внезапно словно очнулся и как бы посмотрел на себя со стороны – ни дать ни взять «Летучий Голландец» в своем последнем и вечном плавании... И бог с ним, я готов продать душу богу, дьяволу, да кому угодно! – лишь бы мне дали умереть достойно, так, как хочу

я, и плевать, когда это произойдет.

Я не всегда был свободен в выборе своей жизни, подвел он жирную черту в своем монологе, и теперь хочу лишь одного. Только одного.

Свободы в выборе смерти.

Сон четвертый

Полет. В котором одинок.

– Excuse me, sir. Beer, whisky, cognac? – улыбающаяся стюардесса в ожидании замерла рядом с его креслом. Он с трудом оторвался от иллюминатора, с недоумением оглядываясь по сторонам. В салоне самолета кроме него было еще пять человек, еще бы ухмыльнулся он, кому в середине июня нужна Коста-Рика? Паре бизнесменов кавказской, нет, поправил он себя, латинской наружности, двум бизнес-леди с квадратным охранником, да последнему искателю последних приключений. Пестрый состав – ну, с этими двумя мачо все ясно – наверняка наркоту сопровождали транзитом из Колумбии, потому как у них этот вид деятельности на лицах изображен, а вот этой троице на кой леший в такую даль? Оффшор или еще какая хрень? А может, живут они там, пожал он плечами – у богатых, а тем более у богатых женщин, свои причуды.

– Sir, do you understand me? – терпеливо напомнила о себе стюардесса.

– Understand you, – кивнул он.

– Beer, whisky, cognac or vodka? – наименование исконно русского напитка девушка произнесла с чисто западным ак-

центом, у нее получилось классическое «уодка».

– Cognac, please, – выбрал он, сделав рукой нетерпеливый жест, мол, побыстрее, спешу я.

– One moment, sir.

Ловко плеснув в пузатый фужер янтарную жидкость, она все с той же силиконовой улыбкой продолжила свое движение по проходу. Да-а, вздохнул он, внимательно изучая содержимое стеклянного сосуда, цвет вроде как похож, но вот запах... Интересно, они сивуху здесь у нас в России брали, или из-за океана везли? Наше, наше родное, мысль пришла сразу же после первого глотка, они так не умеют. Скривившись, он проглотил остатки «коньяка» и не раздумывая достал из сумки 0,7 «Московского» – на любителя, если разобраться, конечно, но разбираться не хотелось. Пробка не поддавалась, проскальзывая вокруг своей оси, но натиску зубов уступила. Первый глоток смыл привкус сивушных масел, второй наполнил пульсирующим огнем, с ревом прокатившимся по глотке и пищеводу, третий примерил с окружающей действительностью, напомнив, что бутылка почти и не начата, а до Сан-Хосе – целая Европа с Атлантикой и вся ночь.

Одновременно с четвертым глотком он лениво скосил глаза в иллюминатор – прощай убитая Россия. Сожаления нет абсолютно, нет боли, нет никаких чувств – осталось только непонимание. А что еще можно чувствовать к Стране Торгашей?...

*Ну что за время наступило,
Не могу никак понять?
В больших деньгах отныне сила,
Если хуже не сказать.*

*Все продаются не по разу
Ночью и при свете дня.
И ни к чему теперь учитель
Фехтования.*

*Я был героем этих улиц,
Всех созвездий и планет.
Я никогда не соблюдал
Нейтралитет.*

*И мне ужасно интересно,
У кого скрывалось зло,
Покуда люди не придумали
Добро?*

*На отсыревших стенах школы
Позабывтые гербы,
Рапиры, шпаги, эспадроны,
Стойкий запах тишины.*

*Замысловатой паутиной
Плетет свои узоры ржа —
В миру уроки позабыли
Фехтования.*

*Забыли упоенье боя,
Где дышалось так легко,
Где можно было проиграть,
Но сохранить лицо.*

*Ну а теперь его скрывают
Солнцезащитные очки,
И за тонированной маской
Не видать души.*

*Одно, увы, я знаю точно,
То есть, знаю наперед.
Сколь там веревочка не вьется,
Час возмездия пробьет.*

*Пройдут непобедимым маршем
Люциферовы войска,
Когда умрет последний Мастер
Шпаги и Клинка...*

Скорей бы уже — он очень часто ловил себя на этой мысли

– и пусть все идет... Боже мой, в которого я не верю, неужели это случилось? Неужели я сижу в самолете и улетаю для того, чтобы никогда не вернуться?!... Неужели я сделал это? Пятый глоток застал врасплох – он надсадно закашлялся, с трудом перевел дыхание – и внезапно увидел свое отражение в стекле. Едва угадываемые контуры лица, невероятная и оттого почти что прозрачная бледность, трехдневная щетина. И почерневшие ввалившиеся глаза, казавшиеся слишком большими, слишком усталыми и до отвращения, до глубины своей, заполненные ненавистью. Глаза солдата, окруженного врагами, понимающего и принимающего близость смерти. Это надо же, без тени удивления и невзначай заметил он, до какой же степени одиночества и разочарования надо было дойти?... Просто нечего больше терять, усмехнулся он, глядя на исчезающие земные огоньки.

Одновременно с шестым и последним пока глотком, он заметил, что пассажирское братство скооперировалось в первых рядах салона – южноамериканцы подсели к дублю коммерсанток с охранником, и вечеринка планомерно перетекла в активную стадию. Да и бог с ней, он вновь наполнил фужер, мне просто хочется напиться, напиться до той самой недостижимой пока грани, на остром лезвии которой неощутима пустота и сотни лет, что были до меня, будут после меня, и которые я уже прожил. Нет, поправил он себя, мне много больше, я уже счет потерял. Я столько умирал, а затем с невероятным трудом возвращался к жизни, каждый

раз давая себе клятву о невозможности последующего воскрешения, что даже сам процесс смерти уже надоел до безобразия...

Часов через пять лететь стало тяжело – кресло просто впилось в поясницу, хотя и выпито немало коньяка – почти что три четверти флакона, что-то темп быстрый, глядишь, встречу с Атлантикой нечем отпраздновать будет.

– Excuse me... – он было попытался найти золотую середину между не совсем корректным «women» и несколько вульгарным «girl», махнул рукой и продолжил: – ...miss.

– Yes, sir?

– Where Atlantic Ocean?

– Below, sir, – улыбнулась она, стрельнув глазами в сторону иллюминатора.

Он наполнил фужер, кивнул сначала ей, затем темноте за стеклом, после чего двумя глотками добил коньяк, резюмировав на выдохе:

– А теперь на abordаж. Пленных не брать.

– Excuse me?

Проигнорировав заданный вопрос, он прислонился лбом к прохладному пластику и попытался проникнуть взглядом сквозь ночные облака, ведь внизу океан, черт возьми, самый что ни на есть настоящий – волны, ветер, жизнь, смерть – все

в бесконечном кружении небесно-голубой воды. Ему вдруг безумно захотелось оказаться в этом водовороте, позабыв обо всем, потеряв представление о том, где низ, а где верх – просто скользить в абсолютной тишине, наблюдая за тем, как меняют цвет солнечные лучи – от ярко желтого до прозрачно-зеленого, постепенно истончаясь все больше и больше, и вот уже пронзительная чернота подхватывает сначала под руки, затем мягко обволакивает все тело – Солнца больше нет, оно растворилось в спокойном дыхании океана, осталось только неясное сияние, вот и его нет, а он все опускается... а может, поднимается – это уже не важно, ведь жить сначала не получится, а значит какая теперь разница, конец-то один, подумал он, с трудом выныривая в салоне самолета.

– Excuse me, sir? – озадаченная стюардесса слегка прикоснулась к его плечу.

– Все в порядке, – он слабо улыбнулся. – O'key.

– Принесите славному капитану Бладу рому, – рядом с его креслом остановилась одна из коммерсанток, с любопытством взирая на него сверху вниз.

– Для игр в пиратов есть Диснейленд, – вежливо ответил он, слегка потянувшись. – Впрочем, вы для этого слишком молоды. Это, во-первых. Я не капитан Блад. Это, во-вторых. Cognac, please. Это, в-третьих.

– Two cognac, – она присела в соседнее кресло и взмахом руки отпустила стюардессу. – Ничего что я без приглашения?

– Коли хозяин невежа, так гость сам сядет, – развел он руками. – Вот только стоит ли тратить время?

– Как раз времени-то у нас с вами много! – рассмеялась попутчица. – Тем более, что вы мне интересны.

– В качестве кого? – он взял с подноса фужер и неторопливо выпил содержимое мелкими глотками. – No wineglass. Bottle, lemon and sugar.

– Да-а-а... – она задумчиво провела пальцем по кромке своего бокала. – Правил приличия мы не изучали...

– Говорите за себя, – с иронией посоветовал он. – Лично меня всегда учили, что человек должен две вещи делать в одиночестве – напиваться и умирать. Впрочем, если вас не пугает зрелище моей полной деградации, то бога ради – вы мне не мешаете, потому как моего одиночества не нарушаете.

– Сама виновата, – со вздохом поднялась она.

– Это точно, – подтвердил он. – Никогда не стой на линии огня.

Минут через пять знакомая уже до боли стюардесса принесла бутылку «Черного аиста», блюдечко с порезанным лимоном и горкой сахара.

Ну, за деградацию, мысленно провозгласило не совсем еще напившееся подсознание. Оно же решило, что пить коньяк прямо из флакона пошло, но процесс разлива на сей раз прошел не столь гладко. Горлышко бутылки предательски дрожало в руке, выбивая беспорядочную дробь о край фу-

жера. Быть того не может, он с недоумением сфокусировал свой взгляд – с чего тут можно было напиться? Понимание пришло с небольшим опозданием, ибо тряслась не рука, а сам салон ненавязчиво вибрировал. Забавно, мысль заползла-таки в сознание, несмотря на пару ощутимых толчков.

Мелькнула полустертая тень, и рядом с ним второй раз за полет материализовалась коммерсантка.

– Мне страшно, – с ходу пояснила она.

– А как же капитан Блад, Генри Морган, Л’Оллонэ или еще какой Уильям Кидд? С ними не страшнее? – хмуро поинтересовался он.

– А идите вы!... – нервно отреагировала она. – Вы что, совсем пьяны и ничего не чувствуете?

– Во-первых, никуда я не пойду. Во-вторых, – он вновь наполнил свой фужер, правда, уже на весу, и окунул ломтик лимона в сахар, – я не совсем пьян. В-третьих, я не чувствую только запахи, и, если это вас немного успокоит, то мы сейчас над Атлантикой.

– И что?

– У вас с вестибулярным аппаратом как?

– Ну... так, вроде ничего, – ее взгляд метнулся сначала на второй фужер, затем на бутылку, которую он продолжал сжимать в руке.

– А после выпивки? – он даже не пошевелился. – Учтите, что это только начало.

– А вы откуда знаете?

Он пожал плечами.

– Около часа назад мы покинули территориальные воды.... Нет, не то...воздушное пространство Испании. И то, что сейчас происходит, можно назвать мелкими воздушными течениями. А вот когда влетим в зону, где зарождается Гольфстрим, и нам повезет, то мы можем увидеть настоящий атлантический циклон. И не только увидеть, но и почувствовать. В хвосте самолета на ногах стоять будет крайне тяжело и, кстати, вы когда-нибудь на реактивном лайнере в воздушные ямы падали?

– Налейте, – внезапно севшим голосом попросила она, протягивая фужер.

Вздохнув, он выполнил ее просьбу. Самолет болтануло сначала влево, затем резко бросило вниз.

– Я смотрю, вы совсем не боитесь? – она сделала большой глоток.

– Просто мне все равно, – он пожал плечами. – Мы в воздухе, промежуточных остановок нет, так что сойти, сами понимаете... Парашютов тоже нет, так что если вдруг... К тому же, если быть честным до конца, тот факт, что выживших в авиакатастрофах не бывает, зависит вовсе не от наличия полного отсутствия этих самих парашютов. Вы все равно не успеете им воспользоваться – вас давлением...

– Прекратите, – с тоской в голосе произнесла она, – умеете вы успокоить!

Он пожал плечами.

– И почему вы все время плечами-то пожимаете? – ее нервная система достигла критической точки.

Он опять пожал плечами.

– Это меня примиряет с окружающей действительностью.

– Но не ее с вами?

– А кто ее спрашивает? – он выплюнул пробку, которая с веселым стуком затерялась в салоне.

– Нет, вы точно напились, – констатировала она. – На трезвую голову такие разговоры не ведут. Ну, повезло, так повезло! Там айзеры озабоченные, тут – пират сумасшедший...

– Корсар. Один. Старый.

– Что?

– Не пират, а корсар, старый корсар. В единственном числе.

– Издеваетесь? – она впилась в него взглядом.

– Правильнее сказать, смеюсь.

– Насмехаетесь, – поправила она.

Он безмолвно сделал реверанс в ее сторону.

– И все-таки, вы мне интересны... – через паузу задумчиво произнесла она.

– А не пройти ли нам в хвост нашего лайнера? – предложил он.

– Вы... А не кажется ли вам, что предложение звучит... – она широко распахнула глаза. – Неоднозначно.

– А по-моему, вполне однозначно, – усмехнулся он. – Хо-

чу проверить свои слова насчет невозможности тамошнего стояния.

– Вот теперь вы уже издеваетесь, – она рассердилась не на шутку. – Или вы так за девушками ухаживаете?

– А кто вам сказал, что я за вами, девушками то есть, вообще ухаживаю? Ухаживают за комнатными растениями... Вот только не надо так сверкать глазами! В конце-то концов, озабоченному айзеру вы предпочли сумасшедшего корсара. И, прошу заметить, это был не мой выбор.

– С ними хоть все понятно было! – она мотнула головой в направлении кабины пилотов. – В отличие от тебя.

– И это вас бесит.

– Еще как!

А это забавно выглядит со стороны, он невольно улыбнулся, раскрасневшаяся и разозленная красотка (не будем лицемерить, это действительно так!) готова вцепиться в полу..., нет, теперь уже в почти что пьяного отставного майора Российских Вооруженных сил. Упасть, не встать. Он внезапно хрипло расхохотался.

– Что теперь?! – буквально взвилась девушка.

– Вы какой язык изучали?

– Испанский.

– А-а... – он уважительно пожал плечами. – Puede usted enseñarme esto?

– Por favor, Señor... – она отстегнула от пиджака клубный значок или что-то в этом роде. – Quisiera...

– Cuanto cuesta esto? – перебил он ее.

– Cuatrocientos peso. Habla usted español?

– No hablo español. Просто слов нахватался.

– Ага, – она недоверчиво скосила глаза. – Так я и поверила.

– Como parte del programa de piratas, – пояснил он.

– Capitán de Sangre? Levasseur? John Silver o qué? – насмешливо уточнила собеседница.

– Началось в колхозе утро... Интеллектом не дави, – очередная порция коньяка плавно переключалась в его фужер. – Кстати, из упомянутых трех имен какой персонаж тебе наименее симпатичен?

– Левассер, – не задумываясь, ответила она.

– Ну, еще бы! Чего еще ожидать от поклонницы капитана Блада. А известно ли многоуважаемому джину..., то есть, коньяку..., в смысле, тебе, что Левассер в отличие от двух других человек реальный?

– То есть?

– То есть, Питер Блад в основном срисован с Генри Моргана, но реального Питера Блада не существовало, Джон Сильвер персонаж вообще вымышленный, а вот Франсуа Левассер по жизни являлся дворянином из Нормандии. Именно благодаря ему остров Тортуга, который так часто упоминает Сабатини в «Одиссее...» превратился в одну из лучших и самых неприступных баз флибустьеров. Будучи талантливым военным инженером, Левассер по всем правилам фор-

тификационного искусства спроектировал на горе небольшую квадратную крепость, на углах которой располагались четыре бастиона. Форт получил название «Де ла Рош»². По своей конфигурации это были самые современные укрепления для своего времени. Если еще учесть, что на холме был источник воды, и глубокая пещера, где был устроен пороховой погреб, то форт был действительно неприступным. Чтобы попасть в него, атакующим нужно было подниматься по узкой дороге вдоль стен с бойницами. В это время их можно было обстреливать с бастионов, как во фронт, так и в тыл. Такой перекрестный огонь не выдержали бы даже самые отважные солдаты самой лучшей армии мира, что с блеском в 1643 году продемонстрировали испанцы. Шесть кораблей и шестьсот солдат взять Тортугу так и не смогли. Так что литературный Левассер – негодяй, предатель и убийца, отрицательный герой, в общем-то, никакого сравнения со своим прототипом не выдерживает.

Вот ведь, блин, ухмыльнулся он про себя, офигительный разговор по пьяни-то получается. Ты еще справку из Большой Советской энциклопедии выдай, эрудит х..., сам знаешь, какой.

– Откуда знаешь?

– Я в отличие от тебя, книжку прочитав, тупо на Луну не смотрю, и не мечтаю о несбыточном. И давно уже понял, что любая литература опирается на реальные факты и реальных

² De la Roche (франц.) – Скала.

людей. И мастерство писателя заключается не в том, чтобы описать что произошло, а в том – как это произошло. Мысли, диалоги, первый и второй план... Эксквемелина читала?

– Кого? – она непонимающе уставилась на него поверх фужера.

– Естественно... – очередное пожатие плечами выглядело как сухая констатация факта. – Французский врач, по случаю ставший буканьером на Тортуге и принимавший непосредственное участие в знаменитых панамских походах Генри Моргана. Суть улавливаешь? Питер Блад кем по профессии был?

– Врачом... – слегка потрясенно отреагировала собеседница.

– Так вот, он, Эксквемелин конечно, а не Блад, по итогу своих приключений написал книгу «Пираты Америки», на материалах которой не одно поколение писателей кормилось. И знаешь почему?

– Потому что он описывал, что произошло?

– Именно. Но не описывал – как. Просто банальная передача информации. И, сказать по правде, наиболее бесцеремонно Эксквемелина использовал именно Сабатини.

– В смысле – полностью переписал?! – изумилась она.

– В смысле адаптации к своей «Одиссее...», то есть, к «Одиссее капитана Блада», конечно. Принято считать, что прототипом капитана Блада был Генри Морган, но на самом деле все не так просто, образ Блада – это, если хочешь, три-

умвирает трех наиболее знаменитых корсаров Мэйна – упомянутый выше Генри Морган (хорош выеживаться! – в который раз подумал он про себя), Франсуа Л’Оллонэ и Уильям Дампир. Три стороны его многогранной души... – он внезапно замолчал, в который раз тщетно попытавшись взглядеться во мрак за иллюминатором.

– Ну, допустим, насчет Моргана я с тобой согласна. Блад, как и он, стал губернатором Ямайки.

– И все? – он приподнял левую бровь.

– А...есть что-то еще?

– А то, – он аккуратно наполнил фужер и продолжил: – Итак, начнем с начала... Во-первых, по легенде Морган нанялся юнгой на корабль, идущий на Барбадос, где его, якобы, продали в рабство на три года за оплату перехода через Атлантику. Во всяком случае, так писал Эксквемелин, правда, сам Генри Морган всегда отрицал этот факт. Во-вторых, история взятия Маракайбо Морганом практически без изменений переписана Сабатини – брандер, ложная атака, вплоть до адмирала испанцев – извечным врагом Блада был дон Мигель д’Эспиноса-и-Вальдес, тогда как Моргана в бухте Маракайбо запер дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса, улавливаешь сходство? Ну и, в-третьих, да, губернаторство на Ямайке.

– А почему практически без изменений?

– А-а, тут мы подходим ко второму прототипу – Жану-Давиду Но, более известного как Франсуа Л’Оллонэ, по прозви-

щущу Fléau des Espagnols³. У Блада с ним мало общего, но Сабатини все-таки использовал Л'Оллонэ – для описания мелких подробностей, к примеру, с целью придания правдоподобности истории о захвате Маракайбо. Если помнишь, Блад в разговоре с Каузаком упоминает о крепости у Гибралтара, куда сбежали все испанцы из Маракайбо, и у которой они потеряли, по-моему, три недели. У Л'Оллонэ так и было – испанцы прорубили в джунглях фальшивую дорогу, ведущую в трясину. Л'Оллонэ, однако, не растерялся и под сильным мушкетным огнем наладил строительство гати, по которой достиг ворот крепости, где четыре сотни флибустьеров были встречены залпом картечи. Потеряв полсотни бойцов, Л'Оллонэ приказал поворачивать назад. Торжествующие испанцы покинули крепость и ринулись в атаку, оказавшуюся для них губительной – в рукопашном бою флибустьеры не знали себе равных. На плечах откатившихся испанцев они и ворвались в город.

– Забавно...

– Для защитников города – навряд ли... Другая мелочь – после кораблекрушения у берегов Кампече и схватки с испанцами пираты были разбиты, уцелел только Л'Оллонэ, притворившись мертвым. Переодевшись в испанское платье, он отправился в ближайший город, где подговорил негров-рабов украсть у их хозяина рыбацкий баркас, на котором он и преодолел 1200 морских миль, отделявших его от Торту-

³ Fléau des Espagnols (франц.) – Убийца Испанцев.

ги. Заметь, что эти воды кишели испанцами, к тому же они и по сей день представляют сложность для навигации, так что береговые братья вполне оценили мастерство Л'Оллонэ. Ничего не напоминает?

– Точно... Блад хотел бежать с Барбадоса на лодке, но не на Тортугу, а к голландцам, на Кюрасао.

– А по итогу где оказался? – насмешливо спросил он. – Да, если ты помнишь, пиратствовал Блад только против испанцев, в то время, как прозвище Л'Оллонэ, как говорилось выше – «Убийца Испанцев». Так что как не крути, но от Моргана Сабатини одарил Блада удачливостью и военной гениальностью, а от Л'Оллонэ – дерзостью...

– А от Уильяма Дампира?

– Образ пирата-джентльмена. О, я вижу тень разочарования! Да, не Арабелла Бишоп, а именно Уильям Дампир явился причиной его благородства и утонченности. Английский корсар, которого его биографы часто называют «пиратом-ученым». Он совершил три кругосветных плавания, написал несколько книг и был членом лондонского Королевского общества.

– Это которое Британская Академия наук?

– Ага. Ты только представь – пират, изгой общества – и три, я подчеркиваю, три кругосветных путешествия! Дампир привлекался Советом по торговле и плантациям в качестве эксперта по вопросу борьбы с пиратством, в частности, в бассейне Индийского океана – в районе Мадагаскара.

– Ну, это я бы ему в заслугу не поставила! – возмущенно фыркнула она. – По сути, он своих же товарищей сдавал.

– По сути – Блад тоже взял королевский патент. И должен был тем же самым заниматься – своих товарищей отлавливать. Да помню, помню... – он поднял вверх руку с фужером. – Только ради спасения мисс Бишоп. Но факт был?

– Ну, был, – неохотно согласилась она. – Слушай, а что с ними потом стало? Ну, как они умерли?

– Морган спился, умер от цирроза печени в Порт-Ройале 25 августа 1688 года. Был торжественно, с подобающими его сану церемониями, похоронен в церкви святой Екатерины. Однако спустя четыре года произошло сильное землетрясение, море захлестнуло город, разрушило и уничтожило кладбище и много зданий.

– Что, совсем? Полностью?

– Полностью. Окончательно и бесповоротно... Л'Оллонэ со своими людьми попал в руки дикарей предположительно в 1669 году. Был, как указывает Эксквемелин, разорван в клочья, зажарен и съеден.

– Жуть, блин... – она поежилась.

– Ты просто не умеешь его готовить. И... что-то еще... А-а, не ругайся... Уильям Дампир умер в марте 1715 года, оставив после себя долги на две тысячи фунтов стерлингов. Место его захоронения неизвестно.

– Подожди... – она нахмурилась. – Получается, что не существует даже их могил? И это одни из самых известных пи-

ратов?

– А тебе известно, где похоронен Питер Блад?

– Нет, но... – она замолчала.

– Вот тебе и последнее сходство, – устало произнес он. – И лично меня сие успокаивает и окончательно примеряет с окружающей действительностью.

– В смысле?

– В прямом, – коньяк наконец-то снял последние тормоза. – Все, абсолютно все, озабочены, где и как их похоронят. А я вот что думаю – если от таких людей, людей, делавших историю, и какую историю! – ничего не осталось, то кто по сравнению с ними мы? Великие путешественники вокруг собственного дома? Победители тараканов и комаров? Первооткрыватели тушенки и кильки в томатном соусе? Губернаторы дачных домиков в деревне? Капитаны резиновых лодок?

Он снова замолчал, как бы со стороны оценивая философский смысл своего последнего высказывания. Стало очень грустно, отметил он, очень. Впрочем, есть классическое средство, ну, остатки классического средства поправил он сам себя и тут же с самим собой согласился. И прелесть в том, что не надо делиться – то ли коньяк сделал свое дело, то ли объем знаний оказался чрезмерным – но собеседница мирно спала на его плече.

Бутылку, как оказалось, удалось схватить в самый последний момент – в следующее мгновение ее менее удачливые и

более пустые подруги со звоном покатались между рядами кресел по направлению к кабине пилотов. Посадка, пришло понимание, однако пилот крут – с таким углом тангажа можно ведь прямиком на том свете очутиться. Кривая усмешка и последнее на сегодня пожимание плечами подвело итог дня.

А кто сказал, что на том свете хуже, чем на этом?

Сон пятый

Кровь. В полночь черная, как уголь.

Молчание затянулось, и он ничего не мог с этим поделать. И не потому, что до начала отсчета оставались мгновения. И не потому, что у большинства команды не было никаких шансов пережить это дело, а ведь с некоторыми он плавал более пяти лет. И уж вовсе не потому, что он испытывал угрызения совести.

Он со всей очевидность понял, что это будет их последнее плавание – и пусть конец для всех будет разным, но он будет – и сомнений в этом никаких. И вроде как людей надо ободрить, поднять боевой дух – ибо впереди самый тяжелый и самый важный бой в их жизни. Вот только...

Лично для себя слова он знал, ибо уже не раз твердил их днем и ночью – ты последний, Лис, и вокруг тебя никого – одни торгаши и бездарности – ты, именно ты, олицетворяешь собой истинное пиратство, точнее, его закат. И только от тебя зависит, каким он будет...

– Я буду говорить быстро, один раз и начистоту. Наш план удался – мы в Кальяо и сокровища на борту...

– Но вице-король запретил нам выход в море до прихода

конвоя, и на борту у нас двадцать испанцев... – дальнейшая речь первого помощника закончилась невнятным, но громким сглатыванием слюны, чему способствовало лезвие абордажной сабли у горла.

– Забыл предупредить, – спокойно продолжил он. – Мне нужно ваше молчание, а каким оно будет – полным или мертвым – решать каждому из вас. Итак, сокровища на борту корабля, и, по счастливому совпадению, мы тоже. И беспокоит меня вовсе не вице-король, и не спящий сейчас гарнизон форта, а то, что корабль до сих пор еще не наш. Ибо будь все наоборот, каждый из вас сейчас бы тратил свою долю сокровищ, пока что в воображении конечно, а не слушал прописные истины в моем изложении. И, прежде чем мы пойдем на абордаж, запомните три вещи. Во-первых, отступать нам некуда, следовательно, мы обречены на победу. Во-вторых, испанцы должны умереть все, быстро и тихо. В-третьих, каждый погибший с нашей стороны увеличивает долю выживших. Ибо, как сказано Господом нашим и Генри Морганом, – он хищно оскалился, – чем меньше нас, тем больше придется на долю каждого. План!

– Итак, – продолжил он, – испанцев двадцать человек. Три поста – на носу, на корме, и по бортам – это шестеро. Остальные в кубрике. И путь туда только через палубу.

– На которую мы можем выходить только по одному. Шансов никаких. Тревогу поднимут сразу, – заметил штурман, мрачно покачив головой.

– А мы не будем выходить по одному.

– Это как?

– Выйдет только один. Я, – он прищурил глаза и внимательно обвел взглядом собравшихся. – Инго, считаешь до ста и выпускаешь Леона. Леон, берешь с собой двоих и тихо наводишь порядок на корме. Ты в это время, – он ткнул пальцем в помощника, – продолжаешь отсчитывать вторую сотню. И ждать.

– А если что-то пойдет не так?

– Тогда не жди. При любом раскладе, в кубрик с тобой пойдут шестеро.

– Не мало?

– А больше в кубрик не войдет. На твоей стороне внезапность, семерых вы уложите сразу, и останется против вас столько же заспанных, ничего не понимающих испанцев. Леон, как Инго заходит – занимаешься отплытием. Я – на штурвале. Леон?

– Понял, капитан, – штурман кивнул.

– Инго?

– Понял, капитан, – повторил помощник.

– Полчаса на подготовку и распределение ролей. Начали.

Полчаса мало, ничтожно мало, глядя в спины удаляющихся офицеров, скривился он. Люди толком и не успеют ничего – ни подготовиться, ни понять собственную задачу в бою. Ладно, Леон, штурман хладнокровен и оттого спокоен, а снятие часовых – его конек, те даже пикнуть не успеют,

тем более, что на корму можно зайти с двух бортов – свобода маневра. Возьмет он с собой конечно Пако и Гутиереса – и стратегия его понятна. Гутиерес – удавочных дел мастер, гарротой владеет в совершенстве⁴, что касается Пако, то этот бочкообразный мексиканец с двух рук метает ножи, и подпускать его к себе ближе, чем на десять ярдов – самоубийство чистейшее. Гутиерес-то для страховки нужен, если вдруг случится что-то из ряда вон выходящее, ну, у часового жизнь в запасе будет. Или Пако промахнется. Сам Леон предпочитает в работу этих двоих не вмешиваться, он им спины прикрывает – и ему, и им так спокойнее. Да и мне тоже, он кивнул головой. А вот Инго вызывает беспокойство, нет, если дело идет о прямом abordage – тут все в порядке, возглавляемая им партия пройдет по палубе как надо – ураганом, и с теми же последствиями. Но дело-то в том, что предстоит им совсем другое – бой в кубрике, где не размахнуться и не разбежаться, да и света там будет чуть.

Но это не главное, он опустился на пол, и осторожно развернул кусок тряпки, принесенный с собой с берега. Все умение Леона и Инго не будут стоять и гнутого фартинга⁵, если не получится у него – а на нем четверо. Будем надеяться, что вахтенные на бортах поодиночке стоять не будут, скучно так, да и ни к чему по большому-то счету. Достав из ножен

⁴ Гаррота (от исп. garrote – закручивание, затягивание) – петля с палкой.

⁵ Фартинг (от англ. farthing – четверть) – самая мелкая медная английская монета достоинством 1/4 пенни.

абордажную саблю, внимательно осмотрел лезвие, нет ли зазубрин, уж больно не хотелось повторения произошедшего полгода назад, тогда клинок сломался, нет, разлетелся на пополам, и хорошо, что рядом оказался Леон, выручил...

С этой саблей все в порядке, под правую руку, сталь отменная, чуть прищурясь, он разобрал клеймо – «Klingental», французская, стало быть. Гарда сплошная, полностью закрывает кисть. Он зачерпнул горсть золы и не спеша растер ее по клинку, еще раз внимательно осмотрел саблю и отложил ее в сторону. Теперь дага, многие совершают ошибку, ценя в ней только защитные свойства – а вот у его кинжала лезвие узкое и острое как у иглы. Теперь таких не делают – клеймо в виде щита, на котором буква «V» увенчанная короной – Толедо, мастер Педро де Вельмонте, семнадцатый век. Забавно, он даже нашел в себе силы улыбнуться – я, наполовину англичанин, нет, не англичанин – шотландец, наполовину испанец, сабля – французская, дага – итальянская. Пистолеты? О, пистолеты – это его особая гордость! Пистолеты бельгийские, клеймо в виде колонны – город Лютих, 1691 год. Ему было тогда двенадцать лет, его первое плавание на одном из кораблей торговой компании отца, шхуне «Веритас». Он первым (хотя и совершенно случайно) заметил тогда пирата, которому не хватило всего-то часа, чтобы нагнать их, но наступили сумерки, и им удалось ускользнуть, потерявшись на фоне береговой линии. На следующий день капитан торжественно вручил ему свои пистолеты. А спустя много

лет, Лис еще раз улыбнулся, он вплотную познакомился с пиратскими обычаями. Так вот – лучшие пистолеты с захваченного корабля получал тот, кто его первым заметит. Капитан Фуэнтес, как оказалось, пиратские законы знал не хуже, а может, даже лучше испанских.

– Леон, – негромко уронил он в полумрак.

– Да, капитан? – мгновением спустя появился тот.

– Как люди? Готовы?

– За полчаса? Сам-то как думаешь? – штурман присел рядом.

– Зато испугаться не успеют.

– Exactement.

– Я хочу, – произнес он, не меняя тона, – чтобы ты, как только Инго с людьми войдет в кубрик, заклинил дверь.

– Que? – Леон непонимающе посмотрел на капитана.

– Если они перебыют всех идальго – и им хорошо, спокойно отдохнут, и нам – под ногами при отплытии путаться не будут. Но если победят испанцы – победа ничего им не даст – они будут блокированы в кубрике, и нам тоже не помешают. А в открытом море мы завершим начатое.

– Я тебя понял, – штурман кивнул. – Команде сказать?

– Нет.

– Le diable! Mais pourquoi?

– Mea vole, mea culpa. Пора.

Поднявшись по лестнице, у самого выхода он обернулся. В свете фонаря, пробивавшегося сквозь решетку люка, лица

людей выглядели совсем уж демонически – полоса желтая, полоса черная. У некоторых желтая полоса была с пепельным оттенком – любому, даже отчаянному храбрцу, ведом страх. Это нормально и естественно – храбрость заключается не в отсутствии страха, а в умении его преодолевать.

Ave, Cesar, morituri te salutant! Вот только не походят они на гладиаторов, марширующих по арене цирка, идущих на смерть и смертью своей бравирующих. Потому как не готовы они умирать, а готовы цепляться за эту жизнь из последних сил. А сам-то? А сам-то я уже давно мертв.

Крышка люка от легкого нажима пошла вверх. Слева никого. Справа у мачты отчетливо виден испанец. Долгие три минуты он, не отрываясь, следил за ним, но ничего, тихо. Похоже, что спит на посту, оперся на алебарду и спит. Но где другой часовой, с левого борта?... Потом. Потом будешь думать, сейчас вперед. Лис выскользнул из люка, тенью метнувшись к спящему, нимало не заботясь о крышке, Леон подхватит, он следующий, это его проблема.

Встал прямо напротив часового, вплотную. Черт, не так, неправильно это. С другой стороны, а что бы ты делал, если бы он не спал? Давай, ты его еще разбуди, расшаркайся и предложи скрестить мечи. Вздохнув, он поудобнее перехватил дагу и нанес короткий и резкий удар чуть ниже панциря. Он никогда не видел смерть так близко.

Когда идет абордаж, она конечно рядом, она в каждом ударе, но там, в горячке боя, не до нее – даже не так, там она

всюду, а ты стараешься увернуться от нее и вовсю пытаешься на нее не смотреть, словно она – Медуза Горгона и одним своим взглядом способна превратить тебя в камень, а здесь...

А здесь он пробил испанца насквозь, он услышал, как острие даги еле слышно процарапало по внутренней части панциря. Глаза и рот часового распахнулись, зрачки мгновенно расширились, и взгляд еще живого человека встретился с его взглядом. В нем не было понимания конца, не было удивления, не было боли – он был пуст. Мгновение спустя зрачки начали терять цвет, мутнея и светлея одновременно, человек умирал прямо на глазах. Еще один вздох, и он понял, что всматривается в черноту не этого, а уже того света, а оттуда на него смотрит сама Смерть. Смотрит спокойно и без каких либо эмоций, она знает, она все знает – придет и его черед, а пока что живи. Если сможешь.

Очнувшись, он тряхнул головой, успев подхватить заваливающегося набок испанца, и сумел осторожно опустить его на палубу совершенно беззвучно. Быстро крутнулся на каблуках, одновременно присев – никого. Часового левого борта по-прежнему видно не было. Ну и ладно, скоро на корму пойдет Леон, если что, прихватят. А я дальше.

Продвигаясь вдоль борта, он поймал себя на мысли, что ощущение, будто все происходящее здесь и сейчас всего лишь сон – усилилось. Мозг, как это бывает во сне, с холодным равнодушием наблюдал сразу за всем одновременно,

без каких бы то ни было усилий то показывая всю картину в целом, то выхватывая из нее отдельные эпизоды – вот он убивает часового, вот бесшумно скользнули к корме Леон, Гутьерес и Пако, а вот опять он, осторожно крадущийся по палубе, ловко огибающий тюки и ящики, в беспорядке громоздящиеся то тут, то там – трюм под погрузку сокровищ освобождали второпях, навести порядок, а уж тем более закрепить груз, попросту не успели.

И опять же – страха не было, во сне не страшно, даже если тебя и убьют, ты не умрешь – просто проснешься.

По мере продвижения к носу судна темнота становилась все более осязаемой, вязкой, казалось, еще немного, и он будет просто не в состоянии сделать следующий шаг. Чувства обострились до предела, но странным образом – посторонние звуки отошли как бы на второй план, он слышал биение волны о борт, шелест ветра, скрип снастей, но слышал на пределе, казалось, еще миг, и его с головой накроет тишина – так слышит канатоходец, идущий над площадью и сосредоточенный на каждом шаге, потому что шаг на туго натянутый канат – это жизнь. А все остальное – это смерть.

Именно так, шаг за шагом, с трудом сохраняя равновесие в бездонной темноте без верха и низа, он оказался за бочонками с солониной, по другую сторону которых он явственно услышал шепот переговаривающихся часовых и отблеск корабельной лампы.

Подождав несколько секунд, и сделав глубокий вдох, он

плавно вынырнул из темноты в освещенное пространство и...

...и время остановилось.

Он, словно канатоходец, потерявший равновесие, из последних сил балансирующий на дрожащем канате, старающийся, чтобы мир не перевернулся и, соответственно, он вместе с ним, разом похолодевший, потому как вместе со временем остановилось сердце, замер, почувствовав и ощутив реальность своего сна.

Испанцев было не двое, а пятеро – по всей видимости, устав от постоянных караулов и ночных бдений, а так же от вечных придирок командования, которое, кстати, беспробудно спит по ночам, они попросту объединились и вместо четырех постов выставили лишь один, рассудив, что ночь темная, в бухте, вход в которую охраняет форт, только их корабль, а экипаж судна в полном составе, как и вчера, и позавчера, отдыхает в трюме.

На носу они устроили импровизированную караульную, где, сняв кирасы и панцири, грелись не у лампы, как он подумал в начале, а у походной жаровни, на которой они, судя по стойкому запаху корицы, варили глинтвейн.

Двое сидели слева от него и жаровни на тюках с хлопком, еще двое – за жаровней, образуя таким образом две стороны квадрата, третьей стороной которого были бочонки с солониной, а четвертой – стоящий прямо перед ним пятый испанец, одетый в нагрудник – видимо, готовившийся сме-

нить убитого часового.

Все это он понял сразу, мгновенно — я же говорю, что это сон, вот только что, а главное — как, теперь делать? Вдруг он почувствовал удар, затем еще один — это снова начало биться сердце, значит пора — один против пяти и, кстати, двое напротив него начали подниматься, очень медленно, но начали.

Он почувствовал, как губы растягиваются в ухмылку, и услышал собственный голос, тихий и спокойный:

— Buenas muerte.

Движение сабли слева направо снизу вверх прочертило кровавую полосу по шее стоявшего испанца. Тот попытался было отпрянуть, но этот инстинктивный маневр только помог нападавшему, поскольку увеличил расстояние между ними — удар получился скользящим, и солдат умер еще до того, как, опрокинув залитую собственной кровью жаровню, упал на пытавшихся подняться — под весом его тела они рухнули обратно на скамью. Первый.

Выпад влево с одновременным ударом острием сабли сверху через голову. Не встретив сопротивления, лезвие вошло в горло застывшего испанца, перерезав тому сонную артерию, заглушив предсмертный крик. Второй.

Не меняя положения тела, оставляя саблю в правой руке в теле несчастного солдата, он нанес удар дагой в голову его соседа. Испанец попытался встать, невольно устремившись навстречу клинку, который, попав точно правый глаз, вышел

из левой височной кости. Третий.

Резко встав, он шагнул вперед, на шаге выдернув оба клинка из тел, и нанес рубящий удар абордажной саблей, вложив в него инерцию своего движения. Удар оказался настолько мощным, что солдат, пытавшийся в этот момент достать оружие из ножен, рухнул на колени. Сабля, разрубив ему левое плечо и сердце, намертво застряла в груди, он понял это инстинктивно и, даже не попытавшись ее извлечь, повернул голову в сторону последнего испанца. Четвертый.

В отличие от других, этот рослый идалго успел-таки схватить алебарду на манер двуручного меча и нанес продольный удар, который несомненно убил бы его на месте, если бы был нанесен на уровне груди. Но испанец метил в голову, совершив тем самым роковую ошибку. Он поднырнул под клинок и, дождавшись, когда инерция удара чуть повела бедолагу вправо, нанес встречный удар все той же дагой снизу вверх. Лезвие начало свой путь в правом легком и закончило в сердце. Испанец, судорожно дернулся, обмяк и повис на его левой руке. Пятый.

Все. Сердце бешено колотилось, он слышал это также отчетливо, как и свист воздуха, вырывавшего из его груди сквозь крепко стиснутые зубы. Волны все также неспешно бились о борт, порывы ветра лениво колыхали паруса, в унисон которым скрипели снасти. Он посмотрел вниз и не увидел палубы – там была все та же чернота, что обступала его со всех сторон. Он опустился на одно колено и зачерпнул

черноту правой рукой (на левой продолжал висеть труп испанца). На ощупь она была липкой и теплой. Он поднес ладонь к глазам и долгие секунд тридцать смотрел, как та стекает по руке и как, срываясь крупными каплями, бесшумно растворяется в воздухе.

За этим занятием его и застал Леон. Увидев капитана на коленях в окружении пяти покойников и, буквально, по пояс в крови, он было решил, что опоздал, но тут Лис поднял голову и их взгляды встретились.

– Черная.

– *Chinda tu madre...* – потрясенно прохрипел Леон и зачем-то перекрестился как есть, сжимая в правой руке саблю.

Впрочем, обоюдное замешательство длилось только мгновение – отшвырнув от себя мертвого испанца, капитан уперся ногой в тело другого и с душераздирающим скрежетом выдернул саблю из его груди.

– Инго?

– Дверь заклинил, – коротко доложил штурман.

– Двоих – на якорь. Оставшихся – на паруса. Отплываем.

Не иначе, как боги спят, позволяя событиям идти своим чередом, пронеслось в его голове. Иначе что-нибудь бы случилось – например, ожил бы один из трупов и поднял тревогу или внезапно поднявшийся ветер разогнал облака, и Луна указала бы бодрствующему гарнизону форта на подозрительные маневры «Мэри Диар».

Но трупы не подают признаков жизни, ветра почти нет,

Луна намертво замурована свинцовым небом, и команда его дело знает – все ходовые огни, да что там огни – караульные лампы и свечи – погашены, якорь и паруса подняты практически бесшумно, а гарнизон форта беспечно спит. А вместе с ним спят боги, которые так любят в казалось бы верное и гладко идущее дело подбрасывать камни. Или палки – кому что нравится.

Делают они это, считают одни, для поддержания равновесия, а может, как считают другие, с целью поддержания добра, но в любом случае, как считают и те, и другие – помогая праведникам и истинно верующим.

А на самом деле, криво ухмыльнулся он, боги, при условии, что они существуют, делают это по одной единственной причине.

Им просто скучно.

Сон шестой

Заказ. Того, что ты хотел.

Лето 2010 года ничем не отличалось от лета 2009 года. Или от любого другого лета, если речь шла о Пунтаренасе двадцатого столетия. Нет, когда-то, в первой половине века девятнадцатого, «Песчаный мост», а именно так переводится название города, действительно был своеобразным мостом – по которому в Европу шли нескончаемые караваны судов. Но экспорт кофе – бизнес крайне переменчивый, особенно, если есть Бразилия и натуральный кофе «Nescafe».

По этой самой причине городской порт теперь принимает только туристические суда, да достаточно большую и оттого разношерстную толпу судов каботажных и рыболовецких.

Поскольку сухой сезон в Пунтаренасе – это сравнительно небольшой период с декабря по апрель, то и тут была полная ясность – жара под 30⁰С и обязательный ежедневный тропический ливень.

Одним словом – стабильность, раскрашенная в яркие субтропические краски и чуть приправленная сладким ко스타-риканским кофе. Стабильность, жаркая, душная и припорная, повторяющаяся изо дня в день – вплоть до вторника 10 августа 2010 года. Именно этому дню было суждено стать

если уж не эпическим, то уж возмутителем спокойствия точно. Причем не только в самой Коста-Рике, более того – границы этого события не ограничивались даже Центральной Америкой – речь шла уже об Америке целой, в том числе и о северной ее части.

Кого сейчас удивишь войной наркокартелей? Разве только человека, который почему-то считает, что наркотики берутся ниоткуда и уходят в никуда. Или разборками между диаспорами, скажем – кубинской и никарагуанской? А что кроме этого может случиться в стабильно бедной, в том числе и на события, Латинской Америке? Ничего, кроме 10 августа 2010 года.

Тем более, что все сферы влияния давным давно поделены – в этом вопросе царит такая же стабильность, как и с погодой – непосредственно к нашему случаю имеет отношение тот факт, что стабильность эту на тихоокеанском побережье обеспечивает колумбийская диаспора и два местных картеля, прошу прощения, два коста-риканских бизнесмена. Без их ведома ни одна мало-мальски серьезная посуда не то что контракт не получит – в океан не выйдет. Он ведь очень опасный – Тихий океан. Но плата за безопасность совсем невелика. Причем сервис на уровне – тебе не надо в первый день каждого месяца идти в банк, к чему такие условности? Ведь мы, тики (так называют себя местные) люди деловые и для удобства партнера в лепешку расшибемся – просто в море к тебе подойдет скоростная лодка, капитан кото-

рой произнесет кодовое слово (имя бизнесмена – например, Рохо Сильва) и с неизменной улыбкой примет у вас ежемесячный взнос. И даже пересчитывать не будет – ведь вы же не хотите огорчить мистера Сильву?

Внутри триумvirата колумбийского и коста-риканских бизнесменов царит атмосфера благодушного и дружелюбного партнерства – границ, пусть они всего лишь на воде и в голове, никто не нарушает, ни один владелец судна при пересечении этих самых границ второго взноса не платит – стабильность и справедливость налицо.

Но есть одно «но» – в этом отлаженном механизме время от времени появляется четвертая сторона – отморозенные личности на такой же скоростной посудине, которые просто-напросто грабят торговые и рыболовные суда. Пираты, одним словом. Триумvirату это очень не нравится, и время от времени им устраивается неотвратимое ядерное возмездие, но в большинстве случаев нелегалам удастся свершить свое темное дело и раствориться в морских просторах гораздо быстрее.

До определенного момента события разворачивались именно по такому сценарию – в 30 милях от Пунтаренаса очередью поперек курса была остановлена торговая посудина за номером SDT-1176 «Омега».

Экипаж во главе с капитаном Марьентесом, наученный горьким опытом, заглушил оба мотора и вышел на палубу с высоко поднятыми и, естественно, пустыми руками. Не про-

шло и пяти минут, как «Омега» в прямом смысле была взята на абордаж, а поднявшиеся на борт четыре бандита прикладами автоматов уложили на эту самую палубу почти всю команду, нимало не стесняясь ни выражениях, ни в стрельбе в воздух.

Исключение составил недавно нанятый на судно моторист, отсутствие которого поначалу никто и не заметил – хотя бы потому, что он не вышел на палубу со всеми, а скрылся в трюме. А когда заметили, было уже поздно.

Моторист был единственным гринго на борту – чистокровным европейцем с белой когда-то кожей, которая успела приобрести ярко выраженный бронзовый оттенок, свидетельствовавший о том, что прибыл он в страну как минимум месяц назад. В Пунтаренасе он был человеком новым – никто о нем ничего не знал, рекомендаций он не имел и должность матроса-моториста на «Омеге» для него была настоящим подарком. Говорить он не любил, хотя, правильнее было бы сказать – не умел, поскольку изъяснялся он на гремучей смеси английских, немецких, французских и испанских фраз с жутким славянским акцентом, добавляя в свою речь совсем уж странные и непонятные слова, в которых Нуэртес с немалым удивлением узнал латынь, коей обучался на первом курсе медицинского университета в Сан-Хосе. Университет остался далеко позади, как и профессия фельдшера, но позабыть фразу «*Fortuna non penis – in manus non recipe*⁶» по-

⁶ *Fortuna non penis – in manus non recipe* (лат.) – фортуна не член – в руку не

мошник капитана не смог – классическое образование все-таки.

Появившись на палубе, гринго не произнес ни слова – вместо него заговорили два пистолета ТТ – по одному в каждой руке. Стрельба по-македонски в его исполнении была просто идеальна – стало понятно, что гимнастерку с майорскими погонами он носил не понта ради, и совсем не по причине отсутствия другой одежды. Через десяток ударов сердца все закончилось – четверых пиратов на «Омеге» он расстрелял с четырех же дулетов, следующий выстрел в этой эпопее оказался лучшим – с левой руки с десяти метров пулеметчику точно между глаз, оставшимися патронами он буквально изрешетил рубку, в которую нырнул последний пират – как оказалось впоследствии, две пули попали тому в живот и одна, смертельная, в шею.

Благоговейный ужас команды вызвал не сам факт быстрой расправы (хотя и он тоже), а то, насколько буднично и без суеты это было проделано. Монотонный и абсолютно без пауз грохот шестнадцати выстрелов, сменившийся затем не менее оглушительной тишиной, нарушал которую только методичный лязг сосредоточенно перезаряжаемых обойм, завершившийся двумя щелчками затворных рам. После чего моторист спокойно удалился на свое рабочее место, где его и застала за чисткой оружия прибывшая через три часа береговая охрана.

В итоге – оружие оказалось абсолютно легальным, и разрешение на него подписано одним из высших полицейских чинов города Сан-Хосе, а это, между прочим, ничего кроме уважения не вызывало – такие люди абы кому подписи на подобных документах не ставят. Сам факт перестрелки был признан законной самообороной, более того – гринго удостоился личной благодарности от шефа полиции Пунтаренаса. Все новостные каналы страны буквально захлебывались от восторга – вот он, простой парень из народа (правда, не уточнялось, какого именно народа), который был вынужден защищать себя и жизни товарищей по профессии. И не пора ли полиции наконец-то начать отрабатывать свой хлеб, а заодно и брать пример с, пусть жесткой, но, тем не менее, справедливости? А может, задался вопросом один известный аналитик, с пиратством по-другому и не покончить?

Наконец, история эта заинтересовала по-настоящему мировые издания, поскольку извечные темы кризиса и скачков фондовой биржи публику изрядно утомили, а тут – на тебе, такая история.

Вот тут, как сказал классик, и началась вторая часть марлезонского балета.

Не сказать, что брать интервью у героя дня послали не совсем профессиональных журналистов, скорее уж не совсем подготовленных. Но тут уж ничего не попишешь, кого послали, того послали. Интервью было взято и почему-то запущено в аналитическую еженедельную программу амери-

канского телевидения без предварительной проверки. Слава американскому богу, передача не носила название «Доброе утро, Америка!», но хрен редьки не слаще – программа вышла вечером в воскресенье в час пик.

В результате – редактор программы и журналисты, бравшие интервью, был уволены на следующий же день, а после сногсшибательного скандала – и руководство канала.

Гринго не много ни мало представился как майор Питер Блад – в отставке, конечно. И очень охотно поделился с телезрителями эпизодами своей военной карьеры – «Буря в пустыне-2», война в Югославии – захватывающие дух подробности борьбы истинного американца (по отцу, который героически погиб во Вьетнаме) за демократию и мир во всем мире. Все бы ничего, да только весь его рассказ был кратким содержанием бестселлера Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада». А отдельные моменты – штурм Картахены и финальный бой за Ямайку – рассказчик описал во всех цветах и красках, не потрудившись даже изменить имена действующих лиц. Таким образом, Белград ему помогали брать капитан морских «котиков» Волверстон при поддержке танкового батальона полковника Джереми Питта, и в жестоком бою, благодаря смелому фланговому маневру сержанта Неда Огла, ударный дивизион югославских смертников был разбит в пух и прах, а его командир, адмирал и известный международный террорист Мигель д'Эспиноса-и-Вальдес, был взят в плен, но отпущен на все четыре стороны, потому как brave

американские парни с поверженными врагами не воюют.

Что касается морского сражения за Багдад, то он, будучи капитаном эскадренного миноносца «Арабелла», защищал город от нападения морской эскадры адмирала Ривароля, лучшего друга и сподвижника Саддама Хусейна. Ему, а также линкору английского флота «Элизабет» под командованием капитана первого ранга Хагторпа, противостояла полновесная иракская эскадра во главе с флагманом – крейсером «Викторьез». В ходе кровопролитного боя эскадра противника была полностью уничтожена, а «Викторьез» взят на абордаж. Блеск победы был слегка омрачен героической гибелью Натаниэля Хагторпа, но команда «Элизабет» отомстила за своего капитана. Тот факт, что в окрестностях Багдада моря не наблюдалось никогда, съемочную группу как-то не насторожил.

Самое забавное в том, что правда вылезла наружу не благодаря опровержению американской интеллигенции, или гневному голосу общественности, нет – руководителю АНБ⁷ не понравилось, что «детали пусть и самых блистательных, но, тем не менее, абсолютно секретных операций, включая подлинные имена национальных героев, стали известны всему миру, чем, без сомнения нанесен невосполнимый урон интересам национальной безопасности – под угрозу поставлена жизнь не только патриотов Соединенных Штатов, но и членов их семей!». Заявление это прозвучало утром, в поне-

⁷ АНБ – Агентство Национальной Безопасности.

дельник 16 августа по всем центральным каналам, а к вечеру в ходе спешно проведенной проверки тем же АНБ, стало понятно, что над всей американской нацией (по крайней мере, над теми, кто смотрел эту передачу) поглумились с особым цинизмом.

Людьми, прямо скажем, недалекими, были выставлены абсолютно все, начиная с рядовых обывателей и заканчивая властными структурами. Ибо заявление руководителя АНБ, в котором он по сути своей признал правдивыми эпизоды одиссеи майора Блада, было не единственным – только ленивое должностное лицо не прореагировало должным образом «на очередное и, бесспорно, героическое свидетельство того, что американские солдаты защищают жизнь во всех ее проявлениях, вне зависимости от веры, национальности и территориальной принадлежности».

Не знаю, какую цель преследовал моторист с «Омеги», но наглядно продемонстрировать отсутствие культуры, знания мировой литературы и географии, а также слепую веру в средства массовой информации целой нации дорогого стоит.

Состояние шока прошло быстро, но остался вопрос – и что теперь делать? Как всегда в таких случаях было принято абсолютно неверное решение – отмыться белее белого. Заключалось оно в следующем – на более или менее солидном канале провести с виновником переполоха прямой эфир – именно прямой – в ходе которого реабилитироваться как перед своими зрителями, так и перед всем остальным миром.

На удивление, моторист согласился без каких бы то ни было условий или просьб, казалось, что он чувствует свою вину – по крайней мере, интервью началось с его извинений, мол, не поймите превратно, никак не ожидал, ущербное чувство юмора, ничего плохого не хотел, а получилось как всегда. Глаза у него при этом были такие добрые-добрые.

На самом деле у меня есть смягчающие обстоятельства, виновато добавил он, тяжелое детство, родителей своих почти не помню, с малолетства был в рабстве на кокаиновых плантациях в Колумбии, где и нахватался этой мешанины языков – там какой только национальности рабов не было. Страшное дело, пояснил он, а корреспондент согласно закивал головой (а кто бы не закивал?), с утра до ночи под палящим солнцем, без одежды и еды. И так семь лет, пока однажды не представился случай для побега – ему удалось забраться в контейнер с листьями коки и таким образом выбраться с плантации. Листья везли на перерабатывающий заводик – по пути он выпрыгнул из кузова машины и был таков.

А дальше? А дальше прибился к венесуэльским каботажникам, было смутное подозрение, что на самом деле к контрабандистам, ходил от Венесуэлы до Кубы, хорошо было и весело. С пиратами приходилось сталкиваться? – корреспонденту наконец-то удалось встрять в этот грустный монолог. А как же, даже потопил одного. Это чем же? – оторопел собеседник – неужели багром? Да нет, у торпедного катера для

этого торпеды есть, спокойно пояснил майор. Журналист заметно оживился – появилась возможность поймать моториста на лжи и тем самым отыграться – на каком таком торпедном катере? И затаил дыхание, а вместе с ним замерли в предчувствии крови эксперты в студии, которых специально для этого момента пригласили.

На торпедном катере проекта 206-М «Шторм», их около десятка СССР в начале девяностых на Кубу поставил. Часть списали, вот один каботажникам достался, может и больше, не знаю. Машинка что надо – на подводных крыльях, четыре торпедных аппарата СЭТ-65 – вот одной из них я пирата и завалил, слишком уж обыденно поведал моторист. Торби Баслим Радбек обид не прощает, и без разницы, пират ты, или наркоторговец, конец один будет.

Круто, корреспондент пребывал в растерянности, поскольку из студии просигнализировали, что по катеру и вооружению информация подтвердилась, страшно не было?

Нет, страшно было потом, когда в береговой охране Никарагуа служил. Вот случай был...

Дальнейшее интервью пересказывать нет никакого смысла, прочитайте фантастический роман Роберта Энсона Хайнлайна «Гражданин галактики» – все-таки это первоисточник очередного вдохновения моториста.

Прodelано все было филигранно и изысканно красиво – единственно, где его можно было поймать на лжи – это на имени, поскольку подробности либо были всем хорошо из-

вестны (рабство на кокаиновых плантациях), либо подтверждались экспертами (торпедный катер). Но в том-то и была красота момента – имя он назвал мимоходом – когда все внимание было акцентировано на излишних, казалось бы, подробностях вооружения и военной техники. А имя – кому интересно какое-то там имя?

В этот раз глумление над зрителями было совсем уж циничным – в отличие от Сабатини, автор «Гражданина галактики» был в первую очередь американским фантастом и лишь затем – писателем с мировым именем.

Когда и эта правда стала достоянием общественности – ржали не только лошади. Американские телевизионщики бледнели, краснели, кусали локти – а сделать ничего не могли, поскольку сами виноваты.

Отыгаться на мотористе в излюбленном американцами стиле – в суде – они не имели возможности, поскольку тот денег за свои интервью не брал и, соответственно, никакие договора о правдивости и достоверности рассказываемой информации не подписывал.

Голову на этой волне попытались было поднять местные издания, но очень скоро поняли, что у гринго одинаковое отношение ко всем журналистам. Любая попытка контакта с ним заканчивалась либо отказом в общении, либо все-таки с трудом добытой информацией, которую теперь проверяли очень тщательно. Что характерно – гринго в ходе беседы мастерски «раскручивал» корреспондентов, понимая ка-

кую «дезу» кому сливать – в результате окрыленный «самой что ни на есть правдой» журналист летел в студию, где и выяснялась очередная грустная истина – надо было в детстве книги читать и историю изучать.

Если же майор понимал, что перед ним более или менее равный соперник, разговор заканчивался вопросом «Кто я?» – и ответа на него не было. Это был парадокс – посмотрим правде в глаза – он был медийной личностью, о которой было известно только то, что он белый европеец со славянскими корнями. И все. Глядя на его форму, и приняв за аксиому, что форма эта имеет к нему отношение – можно было предположить, что группа крови у него третья, резус-фактор положительный, что он является майором, а служил он в ракетных войсках стратегического назначения СССР – информация эта содержалась в немногочисленных шевронах и эмблемах на погонах. Был еще один шеврон – с буквами «С.М.» – эту аббревиатуру все вокруг расшифровывали как «Crazy Major» – этакое прозвище, на которое, кстати, гринго и отзывался. А поскольку его настоящего имени никто не знал, оно ему имя и заменило.

Такова была ситуация по прошествии двух недель – популярность его достигла если не максимума, то была уже где-то рядом – а взять у него наконец-то по-настоящему правдивое интервью для любого журналиста стало делом чести, корпоративная этика требовала как минимум достойного поражения.

...Он сидел на террасе отеля «Аламар» и пил. Было совсем уж раннее утро – часы над стойкой бара показывали 6 часов 47 минут, бар не работал, но для него служащие отеля сделали исключение – выдали бутылку «Captain Morgan», классического (с черной этикеткой) рома, порезали пару лимонов тонкими дольками, рядом насыпали горку коричневатого тростникового сахара – он был тут частым гостем, и о вкусах его все знали.

Aquí está, senior Crazy Major! – Gracias y discúlpeme por la molestia.

Аллея де лос Туристас была пустынна и тиха, с океана дул прохладный ветерок, над головой сверкало ярко голубое небо – до тошноты идиллическая картина, отметил он, опрокидывая очередную рюмку и закусывая долькой лимона с сахаром. Рюмка была высокой и тонкой, он называл ее гильзой – она и правда походила на гильзу крупного калибра – диаметром полтора сантиметра и с утолщением донной части, как бы под капсюль.

Неделя выдалась неудачная – пустая, контрактов нет, и не предвидится, и все идет к тому, что пустота эта продолжится – как тут не выпить с утра?

Скучно.

Он закрыл глаза и посмотрел на себя со стороны. Да, вы-

глядит все это странно, согласился он сам с собой – человек в выцветшей почти добела гимнастерке, в таких же выцветших майорских погонах, в светло-зеленых шортах гражданского покроя (чуть ниже колен), в такого же цвета носках и берцах защитного цвета – с цветовой гаммой полный порядок. Непорядок заключается, вздохнул он, с наслаждением глотая прохладный пока еще ром – в пьянстве, которому он предается вот уже третий день.

Словно в подтверждение своих мыслей он услышал:

– А чем это занимается майор российской армии ранним утром? Неужели пьет?

Вопрос прозвучал справа и сверху – с балкона, решил он, но головы не повернул. К чему проверять свои выводы, если проверка ничего не даст – ну, какая разница, второй это этаж или третий? И посредством балкона или окна с ним общается незнакомка? Наполнив рюмку, он ответил:

– Вы не правы. Я греюсь.

– Греетесь? – в голосе девушки прозвучала сосредоточенная недоуменность. – Это зачем? На улице же достаточно тепло.

– Я греюсь, – не менее сосредоточенно повторил он. – В лучах славы.

– А алкоголь, стало быть, эти самые лучи делает интенсивнее и горячее, – насмешливо фыркнула она. – Ну, еще бы, такое самомнение тяжело согреть.

Он меланхолично пожал плечами, мол, думайте что хотите. А я спорить с вами не буду – пустой разговор, пустой и, опять же, скучный. Он снова выпил, скривился от чрезмерно кислого лимона, хотя сахара он не пожалел – и молча продолжил свои попытки заглянуть за горизонт.

Господи, в которого я не верю – мысли начали свои бесконечные и непредсказуемые скачки – как они живут в такой жаре круглый год?! Он потянул ворот и без того расстегнутой гимнастерки вниз, но чувство духоты никуда не делось. Вздохнув и в который раз за утро (в пятый, да, в пятый) пожав плечами, он наполнил рюмку, но выпить не успел – все тот же голос раздался прямо за его спиной:

– Из таких рюмок принято только текилу пить.

Он не спеша выпил, поставил рюмку на стол и, опять же не повернув головы, возразил:

– И тут вы не правы. Строго говоря – из такой рюмки принято пить спирт. Только спирт. Ибо создание этой рюмки уходит своими корнями в далекое прошлое и не менее далекую страну.... Если вас не затруднит, – внезапно он сменил тему разговора. – Встаньте на четыре..., нет, на пять шагов правее.

– Пожалуйста, – девушка выполнила просьбу. – Любуй-

тес.

– В смысле? – он посмотрел на нее поверх очков.

– Вы же хотите меня разглядеть? А то я все время сбоку от вас или за спиной.

– Что? А-а-а, вот вы о чем. Нет, дело не в этом – просто вы теперь солнце от меня закрываете, я его терпеть не могу.

– Зачем вы меня провоцируете?! – воскликнула она возмущенно и, резко отодвинув стул, села прямо напротив него.

Он недовольно поморщился, когда лучи восходящего солнца заставили его прищуриться, снял очки и принялся массировать глаза, время от времени подслеповато моргая, как бы пытаясь сфокусировать взгляд – на самом деле изучая собеседницу. Молодая, лет 25-26, белые брюки и белая блузка – ничего особенного. Между второй и третьей пуговицей микрофон, провод от которого, петляя, уходил куда-то в область талии – вероятно диктофон где-то там, на ремне.

– Опять, – не сдержался он и, надев очки, резюмировал: – Скучно.

– Вы говорили о далеком прошлом и далекой стране применительно к рюмке, – напомнила она.

– Разве? А, ну да.... Простите, отвлекся, – он принял предложенную игру, а почему бы, собственно, и нет, скучнее же не будет. – Место действия – Россия.... Вы, кстати, кто по профессии будете?

– Журналистка, – спокойно ответила она. – «World News Story», еженедельное издание. Диплом историка, если это

кого-нибудь интересуется.

– Кого-нибудь это точно интересует, – ободрил он ее. – Так вот, место действия – Россия, девятнадцатый век. Был такой великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев, который, как вам известно, открыл периодический закон химических элементов. Существует легенда, согласно которой он в память о себе завещал всем истинным химикам пить только спирт и только из пробирок. Пробирки же имеют дно закругленное и вертикально могут находиться только в специальной подставке. Вот почему в 1911 году его учениками было предложено доньшко у пробирки сделать плоским – для удобства, так сказать, питья и восхваления Великого Учителя. Так и появилась рюмка, своей формой напоминающая пробирку, но настоящие химики и по сей день продолжают потреблять только спирт и только из настоящих пробирок классической формы.

– А почему спирт? – она сосредоточенно потерла переносицу. – Насколько я помню, он же водку изобрел.

– У вас сегодня крайне неудачный день.

– Почему?

– Вы постоянно ошибаетесь. Докторская диссертации Дмитрия Ивановича называлась «О соединении спирта с водой», суть ее – во взаимном растворении воды и этанола друг в друге. То есть – на бытовом уровне – если взять 0,5 литра спирта и 0,5 литра воды, а затем смешать их, то конечный объем раствора не будет равен одному литру.

– Почему? – повторила она.

– Потому что вода и этанол растворятся друг в друге, – терпеливо пояснил он.

– Не верю.

– Это элементарный химический опыт из программы 8-го класса средней школы, – он пожал плечами. – Можете сами попробовать. Если в Internet вылезти лень.

Воцарилось молчание. Журналистка сосредоточенно хмурила брови, бессознательно накручивая при этом прядь огненнорыжих волос на указательный и средний палец, он хотел было пошутить, что завивка у нее получается намного лучше, чем у Антонио в спа-салоне в паре кварталов отсюда – остановила его скука и лень. Ну, в самом деле – разговор какой-то банальный и никчемный, пора с ним завязывать, согласилось подсознание. А как насчет рома, спросил он, с ним тоже завязывать? Э-э-э, без фанатизма, обеспокоенно отозвалось его второе «я», одного завязывания на сегодня достаточно. А почему бы и нет, миролюбиво согласился он – еще не полдень, он свободен отсюда и до конца недели как минимум, ноющая боль в левом подреберье, растворявшаяся с каждой выпитой рюмкой, растворилась окончательно – жизнь, если не вдаваться в детали, прекрасна и удивительна, так что...

– Вы знаете, – девушка оборвала затянувшуюся паузу, – я неделю изучала все ваши интервью. Часами рассматривала фото и видео материалы, разве что без микроскопа. Как же

узнать, кто вы? Сначала я решила, что достаточно раздобыть ваше разрешение на ношение оружия.

Он усмехнулся уголками губ.

– Это оказалось непросто, – продолжила она, – но у меня получилось. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила, что разрешение выдано, если можно так выразиться, «на предъявителя сего» – вместо имени, фамилии и паспорта только ваша фотография. Как вам удалось?

– Вот что крест животворящий делает... – он развел ладони в разные стороны.

– Это был риторический вопрос, – она чуть откинула челку со лба. – Тогда я начала изучать ваш облик.

– Моральный?

– И его тоже, но чуть позже, – она кивнула, давая понять, что шутку оценила. – Все, абсолютно все вписывалось в выбранный вами образ – стиль «милитари» вам идет. Гимнастерка, воинское звание, эмблемы и погоны свидетельствовали о том, что вы, по меньшей мере, служили в русской армии. Ваше оружие только подтверждало мой вывод, поскольку пистолеты марки ТТ – это не просто 7,62 миллиметра убойной силы – это сознательный выбор вооружения Последней Империи. И тут я задала себе вопрос – а почему же аббревиатуру «С.М.» на вот этой нашивке, – она мягко ткнула пальцем в направлении его груди, – все расшифровывают как «Crazy Major»? Да, первая буква удачно совпадает с вашим морским приключением, а вторая – с вашим

званием. Но в таком случае она противоречит вашему имиджу, поскольку в русской армии латинские аббревиатуры на форменной одежде не используются. И...

– И...? – переспросил он заинтересованно.

– И я знаю, как вас зовут, – просто закончила она.

– И...? – переспросил он еще раз, делая приглашающий жест рукой, мол, огласите весь список, пожалуйста.

Она довольно улыбнулась, мол, понимаю, доверять только словам в нашем жестоком мире, по меньшей мере, неразумно и неосторожно, но, увы, тут я вас разочарую, ибо предусмотрела я такой поворот событий. Рука скользнула в задний карман белых обтягивающих брюк, и перед его глазами материализовался авиабилет на рейс Нью-Йорк – Сан-Хосе от 16 июня 2010 года – копия, разумеется. Красным маркером были выделены его фамилия и имя. Занавес.

– *Deus, in conspectu vestro*⁸, – он поднял к небу глаза, вздохнул, пожал плечами, а затем повторил в третий раз: – И...?

– И я решила, что брать у тебя интервью не буду. Собственно говоря, мне достаточно, что найден ответ на твой вопрос: «Кто я?». Найден мной, – не моргнув глазом, девушка как бы мимоходом перешла на «ты», давая понять этим, кто здесь победитель, а кто неудачник. – Мое чувство собственного достоинства удовлетворено этой победой. Руководство журнала со мной полностью согласно, но, тем не менее, у нас

⁸ *Deus, in conspectu vestro* (лат.) – Боже, перед тобой человек.

к тебе есть предложение. Я уже полгода работаю над статьей – возможно, это будет цикл статей – о проблеме пиратства в классическом понимании этого слова. Экскурс в историю, эпоха расцвета и все такое. Закончить статью я планирую твоим случаем.

– А какую роль твое руководство отводит мне? – усмехнулся он.

– Эксперта. У тебя же на все случаи жизни есть свое мнение, – она чуть подалась вперед. – И, дабы ты окончательно уяснил, что не в одной твоей персоне дело, открою тебе маленькую тайну. Вчера я встречалась с твоим капитаном – с сегодняшнего дня он работает на мой журнал – его судно зафрахтовано на один рейс. Пунтаренас – Исла дель Коко – Пунтаренас. Отплываем через пять часов. И только от тебя зависит, в каком качестве на борту «Омеги» будешь ты – моториста или внештатного эксперта «World News Story», – в руках ее словно из воздуха появился пластиковый конверт. – Это твой контракт. У меня остался только один вопрос – ты с нами?

– Давай по порядку, – он оперся локтями о стол, сцепив ладони в «замок», – Во-первых, касательно твоей победы. Все твои выводы абсолютно достоверны. Да, я действительно из России, и, да, я действительно майор, правда, в запасе, российской армии. Однако, спешу тебя уведомить, что несмотря на все демократические преобразования в моей стране – это вся информация, которой ты располагала, рас-

полагаешь и будешь располагать обо мне. Никакие запросы, связи, деньги не помогут, потому как последние 12 лет моей жизни тесно связаны с этими вот погонами, — он аккуратно постучал пальцем по майорской звезде и продолжил: — Тебя это шокирует, но еще не все продается в моей стране. Да, ты знаешь мое имя. Но ты по-прежнему не знаешь, кто я. Во-вторых, и это удивительно, наши желания совпали. Я совсем не против посетить остров Кокос, все ж-таки место историческое со всех сторон, а с пиратской — особенно, — он взял из ее рук конверт, достал контракт, и, не читая, подписал его. — Так что я принимаю твое предложение. И, в-третьих, отвечая на твой «один вопрос» — я сам по себе. Так пойдет?

— Вполне, — она кивнула, засовывая в конверт подписанный контракт. — Что-нибудь еще?

— Из чистого любопытства — журнал ведь американский?

— И...? — вернула она ему его вопрос.

— С чего вдруг такой интерес к всемирной истории пиратства?

— А почему нет? Историю надо изучать по фактам и реальным событиям, а эту тему уже давным давно изучают только по фильмам. И всего по двум — «Остров сокровищ» и «Пираты Карибского моря». Сам ведь знаешь — правды там ноль целых ноль десятых.

— Знаю, — он примирительно улыбнулся и наполнил две рюмки, одну поставил перед ней, другую выпил одним глотком. — Да, кстати, об эпической сказке «Пираты Карибского

моря»... Как думаешь, какой самый главный прокол саги?

– История «Летучего Голландца»? – предположила она, последовав его примеру.

– Нет, – он сосредоточенно макнул дольку лимона в сахар и протянул ей. – Флаги.

– Флаги? – не поняла она. – В смысле?

– В прямом. В третьей части после выступления полкового комиссара...ну, Элизабет, то есть...воодушевленные пираты поднимают на кораблях флаги, дабы атаковать флот Вест-Индской компании. Смекаешь?

– Нет, – честно призналась она. – Эпизод помню. Там поочередно показывают пиратских баронов.

– Ага, – он кивнул. – И при каждом из них поднимается...

– ...флаг... Точно! – она взмахнула руками. – Я еще тогда подумала, что за бред – у них флаги – красный там, даже голубой...

– Это-то как раз нормально. Принято считать, что пиратский флаг всегда черный, хотя изначально он был красным – своеобразным сигналом, что на корабле чума – пираты таким образом военные корабли отпугивали. Нет, дело в том, что они поднимали чужие флаги.

– То есть?

– Нет подумать только, я читаю лекцию журналистке с дипломом историка... Не говори никому, – сокрушенно обратился он к капитану Моргану на этикетке. – Видишь ли, почему-то мало кто понимает, что пираты были такими же

людьми, как и мы. Чуть более наглыми, смелыми, опасными, но, в общем и целом – такими же. Гордившимися собой и желающими подчеркнуть свою индивидуальность. Вот почему у каждого был свой личный флаг. А теперь, – он аккуратно взял у нее из рук блокнот и ручку, – пойдем по списку.

1. Господин Ажакар почему-то поднимает флаг Кристофера Муди, стяг которого был красного цвета, а изображение на нем расшифровывалось так: время улетает на крыльях, и когда оно истечет, наступит неумолимая расплата, будет сражение и те, кто будет сопротивляться, неизбежно умрут.

2. У некоего капитана Белионорвы флаг легендарного Эдварда Тича, печально известного под именем Черной Бороды – прообраза капитана Флинта. Скелет, олицетворяющий дьявола, держит в руках часы и готовится пронзить сердце копьём – мол, всех убью, один останусь – пленных не берем.

3. Под флагом Джона Куэлча гордо стоит капитан Барбосса. Смысл его аналогичен предыдущему, считается, что флаг Куэлча вообще был первым «Веселым Роджером». Кроме

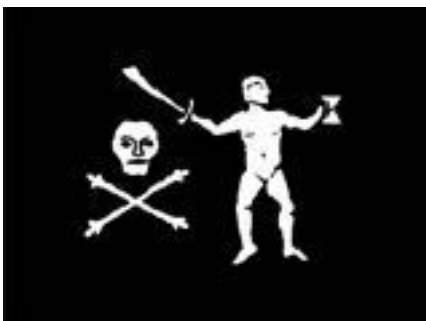
Эдварда Тича идею его флага также использовал Черный «Барт» Робертс.

4. Каким образом в стройные ряды пиратских баронов затесалась госпожа Цинь, да еще с флагом Томаса Тью – выше моего разумения. Томас плавал не только в Карибском, но и в Средиземном море, у берегов Аравийского полуострова. Когда он погиб, команда сбросила его тело за борт, так как Тью не хотел попадать в плен ни живым, ни мертвым.

5. Омана Корсара режиссер вообще наградил флагом Эдварда Инглэнда, который, помимо прочих заслуг, считается первым, кто скрестил кости под черепом. Флаг Эдварда послужил основой для классического «Веселого Роджера».

6. Капитан Шри Шумбаджи присвоил себе флаг Уолтера Кеннеди, изображение которого символизировало, что время, отведенное на сдачу, истекает и расправа будет неизбежна. Пират изображен без одежды, это означало, что он беден и ему нужна добыча.

7. Новоявленный капитан Элизабет Суон, заменившая китаяца Не-Помню-Как-Его-Там, водрузила на мачте своего корабля флаг Неда Лоу, известного своей кровожадностью – тот пленных до смерти пытал. Отсюда и скелет красного цвета.

8. Что же касается капитана Шевалья, то, как он сам выразился, «француз-голодранец» идет в бой под флагом Сти-

да Боннета, суть которого в следующем – владелец флага является пиратом (череп), который постоянно балансирует (кость) между жизнью (сердце) и смертью (кинжал).

9. И, наконец, капитан Джек «Воробей», над кораблем которого реет флаг «Калико» Джека Рэкхема, где под командованием последнего плавали знаменитые Мери Рид и Энн Бонне. Первоначально флаг «Калико» был обычным, но его двусмысленность (Джон олицетворялся черепом, а женщины – костями) заставила Рэкхема заменить кости на пиратские сабли. Усмешки сразу же прекратились, а девушки были в восторге.

– Я могу это использовать в статье? – задала она вопрос и тут же сама ответила: – Ну да, могу, ты же контракт подписал.

– Судя по твоей ремарке, – он перевернул свою рюмку доньшком вверх, говоря (в первую очередь себе), что прием данного вида алкоголя в данное время завершен, – я не

контракт подписал, а купчую – причем на полное и безоговорочное рабство.

– Все может быть, – она многозначительно похлопала по конверту с контрактом.

– А может ничтожный раб задать своей хозяйке вопрос?

– Может.

– Почему именно Кокос, или, как ты его называешь, Исла дель Коко?

– Моя причина аналогична твоей. Как ты там сказал – «все ж-таки место историческое со всех сторон, а с пиратской – особенно».

– Я уточню – в чем для тебя заключается его историчность?

– Насколько я помню, – журналистка наморщила лоб, выглядела она при этом настолько шкодно, что он с трудом подавил желание рассмеяться, – остров Кокос единственный в этой части Тихого океана, на который в свое время могли беспрепятственно заходить пираты, чтобы отдохнуть и пополнить запас пресной воды. Кроме того, они вроде там даже сокровища зарывали.

– И...? – задал он самый модный сегодня вопрос.

– И все. Хочу сделать там пару десятков снимков – вдруг пригодятся. Ну и впечатления там, настрой, атмосфера... А почему это тебя интересует?

– Да странно как-то. В моем понимании сначала к командировке готовятся, а затем уже за впечатлениями едут.

– А я и готовилась. К тебе. А к острову зачем? Он где был – там и останется. И что-то мне подсказывает, что информация о нем за последние лет двадцать не менялась – я бы об этом знала. И потом – зачем готовиться, если у меня такой эксперт есть, – она чуть насмешливо подмигнула ему. – До острова плыть пару дней, вот и познакомишь меня с информацией. Ведь так?

– Слушаю и повинуюсь.

Они расстались спустя минут пятнадцать-двадцать, поскольку ей «надо было подготовиться к дальнейму плаванью» – логично. Логично в том смысле, что для кого-то и поход в магазин через дорогу является чуть ли не кругосветным путешествием. А чем для него – человека из другого полушария – является путешествие длиной в 300 миль?

Последним шагом.

Он поднял глаза и встретился взглядом со своим отражением. Долгую минуту они смотрели друг на друга. Как сам? – Ничего, и тебе не болеть, отражение не отводило взгляда, никогда не отводило – сколько он себя помнил, ему всегда казалось, что это и не отражение вовсе, а просто другой человек – очень на него похожий, близнец практически – но другой. Более уверенный, сильный – и всегда знающий, как поступить.

Вот и теперь – веселый, чуть нагловатый взгляд вовсе и не прячется за стеклами очков-«хамелеонов», а излучает непоколебимую уверенность, губы притаились в слегка язвительной усмешке – мол, я-то готов, а ты? Иногда его даже посещали мысли, что, не оно, а он сам – отражение, что он и никто другой смотрит из Зазеркалья, а жизнь, настоящая жизнь там – за стеклом. Он протягивал руку и натыкался на гладкую поверхность, тот – другой – делал то же самое, и ничего не происходило. Это пугало еще больше.

Слушай, он неуверенно поморщился (рот двойника презрительно скривился, мол, говори, не мямли), а что делать потом? Что делать человеку, мечта которого сбылась? Мечта, которой без малого восемнадцать лет, и которой осталось быть этой самой мечтой самое большее дня три. А я тебе давно говорил, двойник покачал головой, мечта не должна сбываться. Потому как это тогда не мечта – а всего лишь желание. С одним лишь отличием – желаний много, исполнилось одно – его тут же сменяет другое. А сбылась мечта – приходит пустота. Вакуум.

Я согласен (да неужели, саркастически хмыкнул двойник), нет, правда, согласен с тобой, но ведь тогда, в двенадцать лет, я не понимал этой разницы. А что же тебе мешало, двойник удивленно поднял брови, деревянные игрушки? Или коляска без тормозов? Если ты почувствовал себя достаточно взрослым для чтения серьезных книг – соответствуй этому. Уж, по крайней мере, сам меняй себе пеленки

– только так, чтобы никто этого не видел, особенно я.

Он глубоко вздохнул, признавая правоту своего отражения, да без проблем, справлюсь, не в первый и, надеюсь, не в последний, раз. Они одновременно подмигнули друг другу, и он ткнул крепко сжатым кулаком в центр зеркала. То-то же, двойник довольно улыбнулся, повторяя его жест.

Не верь, начал он – не бойся, подхватил двойник – не про-си, закончили они вместе.

Сон седьмой

Погоня. Загнанные в угол.

Боги не спят. Никогда не спят.

Он с огромным трудом подавил искушение прикрыть воспаленные от долгой бессонницы глаза, ибо знал, что делать этого нельзя. Ни в коем случае – иначе он их просто не сможет открыть, почти трое суток без сна не оставляют ни капли надежды.

Все пошло наперекосяк почти сразу после того, как они снялись с якоря и взяли курс на выход из гавани. Один, а может и не один, часовой форта все же исполнял свои обязанности как следует – заметив подозрительные маневры его корабля, ревностный служака, а может просто дисциплинированный солдат, поднял тревогу, едва они поравнялись с главной батареей.

Невезение стало катастрофическим, когда прямо на их курсе неожиданно появился испанский фрегат с Марианских островов, прибытия которого так ждал губернатор. Они разошлись, едва не коснувшись бортами. С испанца прозвучал вполне закономерный вопрос:

– *Qué significa esto?* – предсказуемая реакция на выстрел поперек курса «Мэри Диар».

Вопрос этот, разумеется, остался без ответа, а спустя мгновение шхуна, выскользнув из объятий ходовых огней фрегата, беззвучно растворилась во мраке. Случилось это до того, как канониры форта смогли оценить ее скорость и рассчитать траекторию для залпа.

Едва береговая линия скрылась за горизонтом, на корме появился Инго с тремя представителями команды. Все четверо были настроены решительно, особенно его помощник, еще не до конца отошедший от вынужденного плена.

– Капитан, – пробурчал он, опершись о перила, – команда хочет знать о твоих планах.

– О планах? – вкрадчиво переспросил он, незаметно для окружающих положив левую руку на рукоять пистолета.

– Да, капитан, – подтвердил заявление помощника Леон. – Мы идем в открытое море, и с запада на нас движется шторм. Два, максимум три дня, и он нас накроет. Было бы благоразумнее сменить курс и идти вдоль побережья, – остальные трое закивали головами.

– Благоразумнее?! – металл в голосе заставил делегацию отступить на шаг. – Для вас благоразумнее было бы оставаться на своих местах. Я объясню. Во-первых, идти вдоль побережья мы не можем – первое, что сделают испанцы – предупредят всех и каждого. А что это значит? А это значит, что любой корабль на нашем пути будет означать неминуемое поражение – нас всего девятнадцать. А вооружение у нас какое? А никакое.

– Можно вставать на дневную стоянку в укромных бухтах, – прервал его монолог Леманн, исполнявший на борту обязанности старшего канонира, хотя старшим он был над четырьмя кулевринами и над своим помощником Тайгером, который в этот рейс не пошел по причинам вполне прозаическим – болотная лихорадка штука страшная и редко когда излечимая, по крайней мере, в его случае.

– Прекрасное предложение и ответ на него тебе даст мой помощник, – он небрежно сделал неопределенное движение рукой в сторону последнего. – Будь убийство нашего общего друга и информатора Партильо единственным, все было бы возможно. Но таковое единственным не является.

– Они были свидетелями, – попытался оправдаться Инго, но капитан прервал его самым бесцеремонным образом – левая рука с зажатым в ней пистолетом уперлась тому в грудь.

– Каждый из вас является свидетелем, – прошипел он. – Но почему-то я не убиваю никого. И именно поэтому у меня есть кому идти на абордаж, – дуло пистолета нацелилось в лоб изрядно побелевшего Леона, – есть кому проложить курс и... – пистолет перемещался от Леманна к Гутиересу и обратно, – управляться с парусами и прочими делами. Как бы то ни было, рисковать я не хочу – за хорошее вознаграждение, да еще усиленное напрасной кровожадностью Инго, индейцы нас продадут. А что это значит? А это значит, что укромная бухта станет нашей могилой – достаточно перекрыть выход из нее и спокойно расстрелять нас в упор.

– А уходить в Полинезию, – задумчиво произнес Леон, – это идти в лоб шторму...

– Именно, – он кивнул головой. – Шхуна потяжелела на треть, проблемой становится даже средняя волна, так что шторма нам не пережить. Я бы еще рискнул с пустым трюмом, но, в отличие от вас, своей долей рисковать не намерен. Да, – радостно развел он руками, – как же я мог забыть о главном!

– О главном? – Инго нервно потер переносицу. – Есть еще что-то?

– Две палубы, полсотни пушек, борта до полуметра толщиной и триста человек команды, – он подождал секунд десять, дабы его собеседники оценили названные цифры. – Испанский фрегат в Кальяо, если кто забыл. А что это значит? А это значит, что через сутки он пойдет по нашему следу.

– Куда? – задал резонный вопрос Леон.

– Я не думаю, что капитанами таких судов становятся люди глупые и недалекие. Безусловно, испанец может решить, что мы пошли вдоль берега, причем на юг. Надо объяснять, почему не на север?

– Нет, – выразил общее мнение помощник.

– Так вот в этом случае он за нами не пойдет.

– Почему?

– Потому что скорость у него меньше нашей, и это даже в том случае, если он прошел килевание. Да и то – когда это было? Месяц назад? Два? Три? Ему надо будет обшаривать

каждую бухту, каждую милю океана, а зачем? Зачем, если все испанские поселения будут предупреждены о нас? Зачем, если все корабли будут искать нас? Именно поэтому он не пойдет на юг вдоль береговой линии. На запад в открытое море он тоже не пойдет – впереди шторм. Север... Точно не надо объяснять, почему отпадает береговая линия на север?

– Точно, – подтвердил Леон. – Капитан, не тяни, а?

– И вот тогда фрегат возьмет курс на $5^{\circ}31'$ северной широты и $87^{\circ}04'$ западной долготы.

– Кокос? – изумлению штурмана не было предела.

– А назови мне еще какой-нибудь остров поблизости, с удобной..., черт с ним, с любой стоянкой, да к тому же необитаемый? Любой остров, где мы могли бы спрятать наш груз, и выйти в открытое море раньше, чем придет испанец. Ибо я уже говорил вам – с пустым трюмом я бы рискнул уйти в Полинезию через шторм. А через полгода вернуться обратно. Леон?

– Кроме Кокоса, – помотал головой штурман, – таких островов нет. Есть Мальпелло еще, но стоянок там удобных нет.

– А что это значит? – он медленно обвел взглядом делегацию, поочередно заглядывая каждому в глаза и не находя в их глубине даже намека на ответ. – А это значит, что имея фору в сутки, мы должны увеличить ее до трех – за счет скорости нашего корабля, за счет слаженной работы всего экипажа. Только так мы сможем опередить испанцев, и даже в этом случае я не исключаю, что уходить с Кокоса мы бу-

дем под огнем их пушек. Но! Мы будем уходить пустыми, а сокровища будут надежно спрятаны. Может, у кого-то есть план получше?

Плана получше не было – Инго с суровым видом сосредоточенно изучал свои ногти, время от времени обкусывая, по его мнению, слишком длинные из них, Леон, тот сразу пожал плечами и продемонстрировал капитану открытые ладони, мол, какой другой план, этот в самый раз, Леманн уже раза три снимал перстень с правой руки, который потом бесцельно перебрасывал из одной руки в другую, а затем надевал его обратно – причем всякий раз пальцы были разные. Что же касается Гутиереса, то метис, не произнесший за весь разговор ни единого слова, бросил украдкой только один взгляд на Леона – и, мысленно согласившись с его мнением, повторил тот же жест – пустые ладони на уровне груди.

– Замечательно, – подведя итог, он ткнул пальцем в Леона, – тогда ты – прокладываешь курс и находишься рядом со мной весь переход до острова. Инго, ты обеспечиваешь на борту дисциплину и молниеносное выполнение любых моих команд. Остальные, – обратился он к канониру и бретеру, – бегом на свои места! И запомните, мы сейчас не убегаем, не спасаемся, не играем в прятки с испанцами, у нас, если можно так выразиться, сегодня начинаются скачки – любимая всеми нами их часть – дерби. Со смертью.

Губернаторский дом напоминал растревоженный улей – постоянное хлопанье дверей, топот ног, звучашие то тут, то там приказы, распоряжения и инструкции – все это слилось воедино и очень напоминало монотонное гудение вышедшего из себя пчелиного роя.

– Как?! Я вас спрашиваю, как это могло случиться?! – сидевший за столом высокий седой офицер в мундире генерал-лейтенанта ударил кулаком по разложенным картам и в раздражении откинулся на спинку высокого стула. – Господин губернатор, я лично, подчеркиваю, лично требовал от вас обеспечить полную сохранность груза! И что же?! Что мне теперь докладывать Его Императорскому Величеству?! Что какой-то английский торговец под покровом ночи полностью перебил отборных солдат охраны, и беспрепятственно покинул гавань – благополучно пройдя мимо шестидесятипушечного фрегата и пяти батарей форта?! Господа, да над нами будет смеяться весь Мадрид! Да что там Мадрид – нашими именами будут называть ослов по всей Кастилии, включая колонии!

– Виновные уже наказаны, сеньор вице-король! – начал было оправдываться комендант форта, полный лысеющий капитан лет сорока. Было видно, что случившееся пугает его больше всех – лицо у него ежеминутно меняло цвет, сейчас оно было бордовое, струйки пота бежали по вискам, хотя он постоянно вытирал их дрожащей рукой.

– Конечно наказаны, – согласился вице-король, но тон его голоса был издевательским, а отнюдь не довольным. – Двадцать человек охраны мертвы и... сколько там вы еще расстреляли?

– Пятерых!

– Итого – двадцать пять человек расплатились за собственную беспечность и ротозейство своих начальников, – он оперся обеими руками о крышку стола. – Но возникает вопрос – это помогло нам вернуть сокровища?!

Присутствующие молчали – сказать было нечего. А спорить и доказывать, что случившееся есть стечение роковых обстоятельств – бесполезно, и только усилило бы гнев вице-короля Перу.

Хоакин де ла Песуэла, назначенный на свою должность 07 июля 1816 года, будучи в звании бригадного генерала, обладал характером вспыльчивым и чрезвычайно резким. Звание свое, как, впрочем, и награды, он, в отличие от большинства чиновников такого ранга, получил не в тишине роскошных кабинетов. Кадровый офицер, выпускник артиллерийского училища в Сеговии, сражался против англичан во время осады Гибралтара, затем против французов в Гипускоа и Наварре. Проявив себя блестящим командиром, был отправлен в Перу командовать королевской артиллерией, где, проведя некоторые реформы и модернизации, одержал ряд побед, а выигранное им сражение при Сип-Сип до сих пор, даже по прошествии пяти лет, считается лучшей битвой испанских

колониальных войск.

– Мы отправили гонцов и голубиную почту вдоль всего побережья, – тон губернатора был сух и деловит, я не буду оправдываться, решил он, вина целиком на мне, тут уж ничего не попишешь, а что бы не случилось, лицо надо сохранить. – Таким образом, англичанину негде будет пополнить запас провизии и воды, и куда бы он за ним не зашел – он получит только свинец.

– Неплохо, – пробурчал вице-король. – Подойдите, господа.

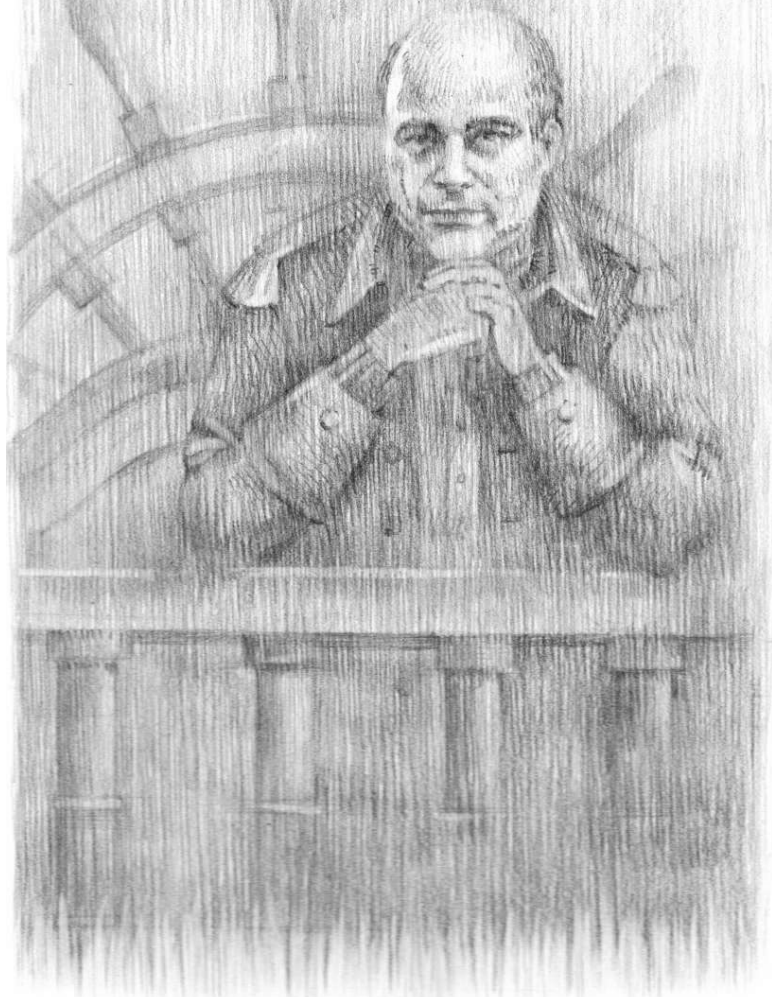
Все четверо склонились над картой береговой линии.

– На север вдоль побережья он не пойдет, – уверенно продолжил де ла Песуэла. – Там наши позиции сильны, к тому же в Панаме сейчас должна находиться часть Серебряной Армады и, соответственно, пять-шесть кораблей «De Barlovento⁹». Может пойти на юг, это все же обычный путь всех торговых судов, но там его перехватит береговая охрана Арики, усиленная шебеками Икике, о которых, кстати, он точно не знает.

– Почему бы ему в таком случае не пойти на запад? – предложил комендант, лицо которого в очередной раз поменяло цвет на серо-зеленый. – И через Индию попасть в Европу.

⁹ «De Barlovento» (исп.) – «Наветренная Сторона», специально созданная в 1716 году эскадра береговой стражи Карибского моря, основной задачей которой была защита испанских кораблей, борьба с пиратами и контрабандистами. Впоследствии часть эскадры действовала в Тихом океане, в том числе обеспечивая сопровождение кораблей Серебряной Армады.

– Я бы не рискнул, – в беседу вступил капитан испанского фрегата, фигура которого возвышалась над столом, словно гранитный утес над волнами. Видавший виды мундир производил тем не менее благоприятное впечатление, было сразу понятно, что обладатель его – капитан корабля боевого, который большую часть своей жизни провел отнюдь не в порту. Вместо парадной рапиры на его левом боку висела абордажная сабля, что также говорило о многом – хотя бы о том, что он не отсиживается за спинами своих подчиненных, если дело доходит до абордажной схватки. Об этом, кстати, свидетельствовали шрам на левой щеке и отсутствие двух пальцев – мизинца и безымянного – на руке, тоже левой. По всей видимости, это были последствия одного и того же сабельного удара.

– Поясните, капитан... – вице-король сделал вид, что не может вспомнить его имя, а может, подумал тот, и вправду забыл, с такими-то проблемами немудрено.

– Капитан Диего Раскона, фрегат «Эспель».

– Поясните, маэстро¹⁰ Раскона, – повторил вице-король.

– С запада идет шторм, а у него по вашим сведениям, – капитан бросил короткий взгляд на губернатора, – всего девятнадцать человек. Да, корабль у него надежный и, судя по скорости, недавно из доков – но он принял на борт не одну тонну груза, следовательно, корабль существенно осел, и волна для него, а тем более, волна прямая – верная смерть. К тому же, ни один капитан в здравом уме не станет рисковать при этом раскладе жизнью своего экипажа и грузом. Тем более – таким грузом.

– Вы, маэстро – капитан в здравом уме. Но он, судя по его поступкам, вряд ли является таковым, – комендант не хотел расставаться со своей версией развития событий. – И он вполне способен совершить этот необдуманный ход.

– Как раз судя по его поступкам... – маэстро Раскона возпросительно посмотрел на де ла Песуэлу, тот кивнул головой, разрешая продолжить, в его желтых водянистых глазах промелькнуло одобрение, не сулившее коменданту ничего хорошего, ибо тот-то о субординации в пылу спора позабыл

¹⁰ Маэстро – начиная с XVI века принятое обращение к капитанам кораблей испанского флота.

напрочь. – Так вот, судя по его поступкам, капитан «Мэри Диар» способен на что угодно – кроме необдуманых ходов. Все то, что произошло, есть результат превосходно разработанного и блестяще реализованного плана.

– И вы можете это доказать? – уязвленный комендант и не думал сдаваться.

– По прибытии в порт его корабль досматривался?

– Снизу доверху!

– Тогда откуда на корабле появилось оружие? Либо оно было искусно спрятано, либо, что вероятнее всего, было приобретено в городе. В испанском городе – обращаю ваше внимание. За четыре дня.

– Капитан прав, – согласился губернатор. – И раньше-то в Лиме оружие было купить не просто, а сейчас, когда город на военном положении – это просто невозможно. Тем более, за четыре дня. Оружие было куплено заранее – я в этом уверен.

Воцарилось тяжелое молчание, прерываемое только методичным тиканьем часов, да громким и неровным дыханием коменданта форта, лицо которого опять поменяло цвет.

– Маэстро, – вице-король Перу решительно встал из-за стола, – не позднее, чем завтра в полдень приказываю вам начать преследование шхуны «Мэри Диар». Я не спрашиваю о ваших планах по двум причинам: во-первых, вы офицер с головой, а таким подчиненным я предоставляю полную свободу действий, а во-вторых, мне плевать, как вы выполните мой приказ. Приказ ясен?

– Так точно!

– На время проведения операции наделяю вас всей полнотой власти – требуйте от кого угодно что угодно, применяйте к провинившимся любые меры. Распоряжение на этот счет будет мной подписано через час. Господин губернатор, – тот с готовностью вытянулся в струнку, – обеспечить капитана Раскону всем необходимым – оружием, продовольствием, людьми – всем. Вопросы?

– Никак нет!

– Свободны!

– А я? – напомнил о себе комендант форта. – Какие будут распоряжения?

– А, да... Про вас я и забыл, – усмехнулся чиновник. – А вы сдайте вашу шпагу дежурному офицеру и под арест. За преступную халатность, отсутствие меткости у канониров форта и нарушение субординации.

До полудня выйти в море не получилось – погрузка провизии и запасов воды прошла быстро, а вот возобновление запасов пороха и ядер заняло больше времени. В качестве портовых грузчиков выступал гарнизон форта в полном составе, желания у них было хоть отбавляй – ну еще бы, пятеро расстреляны, комендант под арестом – а вот умение, к сожалению, отсутствовало напрочь.

В итоге погоня началась на три часа позже, а гандикап от англичан составил..., прикинул в уме Раскона, тридцать два...нет, тридцать шесть часов. Нехитрые математические вычисления, сделанные штурманом «Эспель», оптимизма не внушали совершенно – в последующем отрыв будет только увеличиваться – каждые десять часов мы будем проигрывать четыре часа. Это составит...двадцать восемь, и, соответственно, в конечную точку фрегат прибудет с отставанием в шестьдесят четыре часа, если, конечно, ничего не случится, ни с нами, ни с ними – чуть больше двух с половиной суток. Вполне приемлемо, решил он и обвел взглядом своих офицеров.

– Господа, сеньор вице-король Перу, генерал-лейтенант Хоакин де ла Песуэла приказал нам любой ценой найти шхуну «Мэри Диар» и вернуть украденные ее экипажем сокровища Испанской короны. Новость эта для всех присутствующих таковой не является, и собрал я вас вовсе не по этой причине, – он сделал небольшую паузу и продолжил: – По выражению лиц некоторых из вас я понял, что наше плавание вы всерьез не воспринимаете, противника не боитесь и даже не опасаетесь. Я прав?

– Сеньор капитан, нам ведь будет противостоять торговый корабль – шхуна с двумя десятками человек экипажа, – извиняющимся тоном произнес один из младших офицеров, помощник главного канонира, кажется. – Четыре кулеврины против пятидесяти восьми полновесных орудий и 280 воен-

ных моряков...

– Когда дойдет до рукопашной, – кивком головы согласился он, – шансов у них не будет. Дело за малым – догнать шхуну, снести залпом обе мачты и взять их на абордаж. Диспозиция операции следующая – если шхуна пойдет вдоль побережья на юг, то ее перехватят шебеки из Икике, они быстрее и их много. Если они выберут северное направление – корабли «De Barlovento» к встрече готовы. Спрятаться и отсидеться в какой-либо укромной бухте они также не смогут – наши патрули глаз не спускают ни с побережья, ни с горизонта.

Он опять сделал паузу – никто даже не шелохнулся – вмешиваться в рассуждения капитана, пока он не задаст вопрос или не поинтересуется чьим-либо мнением, во все времена считалось грубейшим нарушением дисциплины. А в условиях военной операции и того хлеще – могло трактоваться как неповиновение или невыполнение приказа.

– Рисковать и идти в шторм с таким грузом они также не будут. Таким образом, остается один вариант – сокровища спрятать, самим уйти налегке, а когда все утихнет – вернуться за ними. Единственное место, где они смогут исполнить свой план – это остров Кокос. Штурман?

– Полностью согласен! – подтвердил тот правильность выводов командира, поскольку, с одной стороны, так это и было, а с другой – они обсудили эти выводы еще до выхода «Эспель». – Побережье под наблюдением, Галапагосские ост-

рова обитаемы, остается только Кокос.

– Наша задача предельно проста, – капитан встал, – пере-хватить их у острова до того, как они исчезнут. Я хочу, чтобы на моем судне это знал каждый маринеро, каждый гру-мет¹¹. На карте – престиж Испании, престиж всего Королев-ского флота! Исполнять!

Наблюдая, как его офицеры торопливо покидают капи-танскую каюту, он улыбнулся. Улыбка получилась невесе-лой, строго говоря, это была и не улыбка, а гримаса загнан-ного в угол зверя – именно загнанного, а не загонщика вовсе. Англичане наверняка думают, что в угол загоняют их – и это правда, так и есть, и угол этот – остров Кокос. А у нас угол другой – шхуна «Мэри Диар» и девятнадцать человек эки-пажа. И если приказ вице-короля выполнен не будет – никто не примет в расчет причин – ни сам вице-король Перу, ни его Императорское Величество.

– Тебя что-то мучает? – от мыслей его оторвал помощник, который остался в каюте после того, как остальные ее поки-нули.

Capitan de fragata¹² Диего Раскона командовал фрегатом «Эспьель» без малого три года, но не это, точнее, не только это, объединяло его с capitan de corbeta¹³ Эрмилио Рокко –

¹¹ Маринеро – матрос высшей квалификации, гру-мет – палубный матрос.

¹² Capitan de fragata (исп.) – капитан фрегата, в российском флоте аналогично званию капитана 2-го ранга.

¹³ Capitan de corbeta (исп.) – капитан корвета, в российском флоте аналогично

они начинали службу на одном корабле, галеоне «Адоминто», пока судьба года через четыре сначала не разбросала их, а затем в 1818 году не собрала вновь, правда, уже в разных званиях и должностях. На борту никто этого знал, и при экипаже сеньор Рокко всячески способствовал этому – грань он позволял переходить себе только наедине, да и то не всегда.

– Диего? – обратился он снова, но капитан ничего не ответил, жестом предложив тому сесть, затем достал из рундука два стакана и бутылку орухо.

Не было ни риторических вопросов, ни не менее риторических ответов – они выпили в полной тишине, после чего Раскона кивнул головой:

– Все беспокоит. Сам посуди – мы собираем драгоценный груз, и надо же такому случиться, именно в тот самый момент, когда все суда накануне осенних штормов носа высушить боятся, в Кальяо появляется «Мэри Диар». Это раз.

Он замолчал, дождался, пока помощник вновь наполнит стаканы, после чего, взяв один, продолжил:

– Судно торговое, экипаж у нее малочисленный, а капитан наполовину испанец и на хорошем у нас счету, следовательно – она идеально подходит для перевозки сокровищ. Это – два. И, наконец, на третью ночь, он, перерезав двадцать человек охраны, спокойно уходит от всех – от береговых батарей и от нас, – он сделал большой глоток. – Это – три.

– С первыми двумя замечаниями я согласен, – помощник

отпил от своей порции более осторожно, нежели капитан, – но почему тебя настораживает именно третья ночь?

– Потому что именно столько надо времени, чтобы к тебе привык гарнизон. И ослабили свое внимание таможенники. Оружия на корабле не было – его доставили на борт перед самым бунтом. Все, исключительно все, было продумано, только наше появление было для него неожиданным. Но будь уверен – его план предусматривал и это.

Ciudad de Panama

Isia del Coco

Las Islas
Galapagos

Quito

Machala

Chiclaço

Bucallpa

Callao Lima

Arica

iquique

15 leagues

100 leagues

Карта побережья Перу из атласа карт фрегата «Эспьель» (фотокопия). Оригинал хранится в Морском музее Барселоны

(Museu Marítim de Barselona).

– Его?

– Да. Это они, – он махнул рукой в сторону покидаемого Кальяо, – знают его как добропорядочного капитана Скотта Томпсона. А на самом деле он – El Zorro del Pacifico, Fox Pacific, Lis le Pacifique¹⁴ – или как он там себя называет.

– Послушай, капитан, – уровень спиртного в бутылке уменьшился в третий раз, – ты же понимаешь, что пират, которым нас пугают, этот Лис Тихого Океана, просто бред чье-то, вполне возможно – алкогольного, воображения, который пересказывается просто потому, что надо чем-то оправдать все то таинственное и непонятное, что происходит у нас. Лично я в его существование верю только после пятого стакана и до утра.

Раскона поднялся из-за стола, подошел к двери и запер ее на засов. Сев на свое место, он опять осушил стакан залпом.

– Пять лет назад я командовал фрегатом «Америго»...

– Командовал? – недоверчиво переспросил помощник. – Тебя же назначили на «Эспьель» с должности помощника капитана.

¹⁴ El Zorro del Pacifico (исп.), Fox Pacific (англ.), Lis le Pacifique (франц.) – Лис Тихого океана.

– Пять лет назад, – повторил капитан с невеселой улыбкой, которая из-за шрама на щеке казалась к тому же еще и зловещей, – я командовал фрегатом «Америго». Корабль был таким же, как и наш – с верфи Картахены. Пушек только было больше, людей столько же. Весной 1815 года, 15 марта, я получил приказ сопроводить торговую посудину «Кабальеро» из Чиклайо в Лиму. Вышли мы утром 16-го, погода отличная, ветер попутный, однако вечером, вот отсюда, – он наклонился над картой, а затем ткнул пальцем в изгиб береговой линии, – прямо на нас выскакивает капер. Сорок орудий, две палубы, больверк увеличен, ну и черный флаг – все как положено. Обменялись мы бортовыми залпами – я целый, а у него мачта под корень.

– Ты его на abordаж взял?

– В этом все и дело. Я его от открытой воды оттеснил вот к этой бухте, он к тому моменту почти встал, рулевой был неопытным, потерял ветер. Ну, это я тогда так подумал – в общем, идеальная позиция для abordажа, зачем порох тратить? Зашел по закату, дал залп картечью по верхней палубе и сцепился с ним левым бортом.

– И...?

– Абордажная команда погибла вся, едва мы ступили на его палубу – корабль взорвался. Мне чуть полголовы не снесло, – он дотронулся до шрама. – Хуже всего то, что он не только взорвался, но и загорелся, ну и мой корабль вместе с ним. Отцепить его от нас мы просто не успели, настолько

быстро огонь перекинулся.

– Свой корабль потерял? Или удалось спасти?

– Все намного хуже. Свой корабль я спас. Но потерял торговца.

– Как?!

– Все просто. В тот самый момент, когда мы готовились к abordажу, они спустили шлюпки с противоположного борта и подожгли запал. Ты понимаешь?

– Нет.

– Это был брандер¹⁵. Это с самого начала был брандер – сорок пушек и две палубы. Две палубы, заставленные бочками со смолой, и крүйт-камера, забитая порохом под завязку.

– Но кто в здравом уме пожертвует таким кораблем?! – изумился помощник.

– Пока мы тушили пожар, шлюпки подобрала шебека, которая скрывалась в этой самой бухте, после чего они прямо на наших глазах атаковали и захватили «Кабальеро». Как я тебе уже говорил, корабль мы спасли, но в Лиме весь экипаж предали военно-полевому суду. Всех унтер-офицеров корабля разжаловали в рядовые, старших офицеров, включая и меня – понизили в звании и должности, матросов отправили на галеры.

– За простого торговца?!

– В грузовой декларации «Кабальеро» был указан табак и

¹⁵ Брандер (нем. Brander) – корабль, нагруженный легковоспламеняющимися или взрывчатыми веществами, используемый для уничтожения вражеских судов.

кожа – груз, который даже рядового пирата не заинтересует, поскольку возни много, а сбыть его на тихоокеанском побережье практически невозможно. А затевать из-за него комбинацию с ложной атакой и сорокапушечным брандером мог только сумасшедший... – капитан помолчал, затем ухмыльнулся и добавил: – Или гений.

– Камни?

– Нет. Документы. Точнее, один документ – карта побережья, на которой обозначены пути следования караванов Серебряной Армады в Европу, курсы, места дневных и ночных стоянок. А кроме этого – рудники, дороги и тропы, по которым золото, серебро и драгоценные камни доставляются к побережью к четырем портам, три из которых являются секретными. Их и портами-то назвать сложно, так, небольшое поселение на берегу, которое не то, что грабить – в него заходить-то противно.

– Карта попала в руки пиратов?

– Доподлинно не известно. Ни шебеки, ни «Кабальеро» мы больше не видели – никто из них в портах не появлялся.

– Ну, шебека – понятно. А «Кабальеро»? На черном рынке за него могли дать хорошую цену...

– Могли, – согласился Раскона. – Вот только у нашего корсара на этот счет свое мнение... Так вот, каждый год мы теряем два-три корабля на маршрутах, которые были отмечены на этой карте. При этом ни один из захваченных пиратами кораблей впоследствии не был продан – они просто ис-

чезли. Все нападения совершаются либо поздним вечером, либо ночью.

– Одним кораблем?

– Не думаю. Иначе бы наш корсар уже давно озолотился.

– Может, совпадение? – предположил помощник. – Два-три корабля в год можно отнести к запланированным потерям.

– Можно. Но в прошлом году была взята Вильярехо.

– Это где? – Рокко с интересом наклонился к карте.

– А нигде. На этой карте Вильярехо нет, – спокойно ответил Раскона. – А на пропавшей пять лет назад – есть. Повезло, что за два дня до нападения в порт зашел караван и опустошил склады, а не то добыча корсаров была бы очень хорошей. Атака была классической, с двух сторон – с моря и с суши.

– Повезло.

– Испании – да. Поселению – нет.

– Все это чрезвычайно увлекательно, но, Диего, – помощник потянулся и откинулся на спинку стула, – каким образом это связано с произошедшим в Кальяо?

– Я же тебе говорил – на карте указаны четыре порта. Три секретных, их на обычной карте не найти. А четвертый порт – это Кальяо. Понимаешь, к чему я веду?

– Нет, – честно признался Рокко.

– Идет война, мы теряем один город за другим, держатся только прибрежные города, их оборонять легче, к тому

же у повстанцев своего флота нет, так что и подкрепления и продовольствие по морю доставляются регулярно. Однако все понимают, что ресурсы на исходе и что еще год, максимум два – и испанскому владычеству в Перу придет конец. Даже если это и не так, никто рисковать не хочет, а это значит, что необходимо вывезти в Европу если и не все, то большую часть награбленного золота. Вот только вопрос, из какого порта планируется караван? Мачала? Чиклайо? Кальяо? Арика? Икико? Три секретных порта отпадают сразу.

– Почему?

– Там охраны никакой – ни гарнизона, ни форта, ни прикрытия с моря – на то они и секретные. Пять основных портов в той или иной мере защищены, но только один из них имеет статус места сбора сокровищ – а это хорошо защищенные дороги для перевозки драгоценностей, усиленный гарнизон, склады и мощный форт. Вот только знать это может лишь тот, у кого карта.

– А ты как про карту узнал?

– Со мной на следствии был чиновник из Чиклайо, который эту карту капитану «Кабальеро» передавал. Только мне, – Раскона поднял искалеченную левую руку, демонстрируя отсутствие двух пальцев, – рассказывать было нечего. А ему – было.

– Я думал, ты пальцы в бою потерял... – помощник растерянно заморгал глазами.

– Все так думают, – хмыкнул капитан. – А на самом деле

– это *Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium*¹⁶. Вечное напоминание того, что главной заповедью истинно верующего является «*Audi, vide, sile*¹⁷». С последним у сеньора Гралино были большие проблемы, особенно, когда выпьет. Его бы за язык повесить, но, с одной стороны, за языки не вешают, с другой стороны, на момент казни у него языка уже не было. Так что его без всяких затей повесили за шею.

Помощник громко сглотнул, после чего слегка дрогнувшей рукой взял стакан.

Боги не спят. Никогда не спят.

Как им это удастся? Лис часто-часто заморгал, словно это могло помочь отогнать сон и усталость – шли четвертые сутки их плавания, которое весьма походило на бегство – на самом деле оно таковым и являлось, просто разум всегда ищет оправдание и приличную упаковку совершенным поступкам. Лет десять тому назад штурманом у него был отставной офицер английского флота, мир праху его, так тот (особенно когда напивался) охотно делился подробностями своей службы.

¹⁶ *Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium* (лат.) – Святой отдел расследований еретической греховности (сокращенно – Святая Инквизиция), учреждение Римско-католической церкви, предназначенное для борьбы с ересью.

¹⁷ *Audi, vide, sile* (лат.) – слушай, смотри и молчи.

Иногда это были вещи полезные – если раньше они шли на abordаж сломя голову и наудачу, теряя при этом зачастую половину abordажной партии (а иногда и больше), не говоря уже о повреждениях собственного корабля, то благодаря его наставлениям подготовка к abordажу была если и не пересмотрена, то серьезно изменена.

Теперь над палубой шхуны натягивали прочную сеть для защиты от падающих обломков рангоута. Для защиты квартердека и полуюта, где находились средства управления судном, между правым и левым бортом воздвигали две баррикады из бочек, наполненных железным ломом. Концы реев снабжали крюками для разрыва такелажа судна противника.

Кроме abordажных топоров и сабель часть abordажной команды была вооружена портупеей Эдварда Тича, по крайней мере, на Тихоокеанском побережье считают, что именно Черная Борода ее придумал – это два широких ремня, перекинутых через плечи и крепившихся к поясу. На каждом ремне имелось три или четыре петли, в которые вставлялись пистолеты. Получалось, что владелец такой портупеи имел при себе от шести до восьми заряженных пистолетов, причем мог стрелять, не вынимая их из петель.

Все это позволило очень существенно уменьшить потери, а в совокупности с заходом по солнцу, залпом картечи перед самым abordажем и атакой двумя группами (с носа и кормы), очень часто потерь не было вовсе.

Другие его рассказы были познавательны – как оказа-

лось, дисциплина на пиратских кораблях была ничуть не хуже, чем на кораблях английского флота. А часть своих правил Черный «Барт» Робертс, чей кодекс поведения на борту негласно считается эталоном в пиратской среде, перенял именно у военных моряков.

Например, на корабле запрещается играть на деньги в кости и карты, свечи и лампы должны быть погашены в восемь часов вечера, и если кто-нибудь из экипажа захочет выпить после этого часа, он должен будет делать это на открытой палубе в темноте (по поводу выпивки на судах английского флота, Лис усмехнулся, у меня большие сомнения), ну и, наконец, самовольно покинувший корабль или вышедший из рукопашного боя во время сражения, должен быть наказан смертью или высадкой на необитаемый остров.

Иногда в историях проскакивали откровенно забавные моменты – в военных сводках для сведения общественности никогда не упоминался термин «отступление» или «поражение», поскольку боевой дух нации должен быть всегда на высоте. Вместо этого простым смертным сообщалось о «тактической перегруппировке» и «стратегическом перестроении».

Вот и сейчас они не спасались бегством, а «шли установленным курсом на максимально возможной скорости». Курс постоянно корректировался – Леон использовал любой просвет в тучах, дабы определить нынешние координаты корабля, а экипаж, который ел и спал прямо на палубе, поднимал,

либо убирал – по ситуации – паруса.

На наше счастье, он поправил бандану, на минуту выпустив штурвал, «Мэри Диар» очень хорошо ходит при боковом ветре и под острым углом к нему – а ветер именно такой. Наихудший ветер – попутный, в этом случае шхуна начала бы рыскать, и ее преимущество в скорости перед фрегатом улетучилось бы как... Как что? Он наморщил лоб, только не спать, до Кокоса, если верить Леону (а почему я должен не верить?) остался дневной переход. О чем я? А-а, улетучилось бы как... Интересно, мысль опять ушла в сторону, насколько отстал от них фрегат? Тут много факторов, устало пожал он плечами, ветер – это раз, ну, с ним мы разобрались, он наш, общая скорость – это два, тут тоже все понятно, фрегат тяжел и неповоротлив, мастерство навигатора и рулевого – это три, вообще обсуждать нечего – и он, и Леон – они оба ходили в этих широтах с детства, иногда он ловил себя на мысли, что штурман определяет координаты просто оглядевшись вокруг – как мы ориентируемся в городе – только в качестве домов, улиц и площадей выступают волны, облака и птицы.

С последними, кстати, в открытом море большие проблемы, он чуть подумал и, усмехнувшись, решил – значит, только по волнам и облакам.

Так о чем все же я? Он помотал головой, но так и не вспомнил – ведь это было так давно, несколько столетий назад. Когда я мог спать и видеть сны. А теперь?

А теперь – Боги не спят. Никогда не спят.

Сон восьмой

Прыжок. Почти что не успел.

Погода испортилась окончательно.

Причем удручало совсем не это, он философски пожал плечами и в сердцах плюнул за борт. Философски – потому что ситуация эта повторялась уже не регулярно, она повторялась постоянно – тупая и всепоглощающая вера в прогноз погоды, а точнее – в местную разновидность Гидрометеоцентра, и во всемирную паутину.

В сердцах – потому что капитан человек неглупый, но доказывать ему, что появление высококучевых облаков, а особенно если они сопровождаются «барашками» и юго-западным ветром – есть не что иное, как предвещение ухудшения погоды, в то самое время, когда прогноз и Internet говорят обратное –дохлый номер.

Поэтому выход в море отложен не был – более того, в течение этого дня только ленивый человек ехидно не интересовался, эй, Major, ну и где твой шторм? Насмешки вслух прекратились после лязга передернутой затворной рамы одного из ТТ – команда молчаливо посчитала, что имя «Major» безусловно отражает внутреннюю суть моториста, но по своему влиянию явно уступает имени «Crazy».

Работы у него не было никакой – оба дизеля весело стучали, позволяя кораблю довольно-таки резво преодолевать милю за милей, приближаясь тем самым к конечной точке их маршрута. Команда упоенно валяла дурака, из всего экипажа занят был только Нуэртес – обязанности рулевого никто не отменял.

Расслабленным состоянием команды тут же воспользовалась настырная журналистка, а обвинить людей в чрезмерной болтливости язык ни у капитана, ни у его помощника не повернулся – все знали друг о друге абсолютно все, темы для разговоров были уже многократно обсуждены – разговаривать друг с другом было просто не интересно.

А тут – новый человек, да еще и внимательно тебя слушающий. Подсознательно все понимали, что у нее работа такая – слушать и вопросы задавать, но поделать ничего не могли, ну как откажешь в общении молодой девушке, да к тому же еще и весьма симпатичной?

Он усмехнулся – насколько же зачастую просто сблизиться с человеком – и не важно, какого пола он и какого пола ты.

– Чему улыбаешься?

– У тебя поразительное умение задавать верные вопросы, – ответил он, не повернув головы. – Откуда ты знаешь, что я улыбаюсь?

– А ты всегда улыбаешься, – она беспечно развела руками и устроилась на понтоне рядом.

– Да ладно.

– Да, – подтвердила она. – Ты просто когда-то перестал это замечать. Кстати, у тебя очень своеобразная манера улыбаться.

– Да ладно, – повторил он.

– Ты никогда не улыбаешься полной улыбкой, – она повернулась к нему. – Правым углом рта – если тебе что-то не нравится. И левым – если ситуация кажется тебе забавной и веселой.

– Человек должен уметь иногда посмеяться над собой, – он улыбнулся «левой» улыбкой, – иначе он сойдет с ума. Об этом, к сожалению, знают очень немногие...

– ...и поэтому в мире так много сумасшедших, – закончила она цитату. – Знаю, «Одиссея капитана Блада». Хотя нет, – она церемонно поклонилась в его сторону, – майора Блада.

– Чего тебе надобно, старче? – правый угол его рта едва заметно дернулся.

– В смысле? – она тряхнула огненной копной волос, в которую превратил ее прическу заметно посвежевший ветер.

– Чего ты хочешь?

– Тебе какое желание – ежесекундное или долгосрочное?

– Кроме мира во всем мире и windows без глюков.

– Поняла, – она сделала вид, что задумалась. – Порази меня.

– Что?

– Выражаясь твоим языком – мне скучно. Порази меня. Я

понимаю, что это не просто...

– Не льсти себе. Ничего в этом сложного нет, – он снял очки и с силой провел ладонью по лицу сверху вниз. – Смотри.

– Куда? – она с готовностью завертела головой по сторонам.

– Да куда тебе удобно. Хочешь – налево, хочешь – направо. Лично мне, – он положил открытую ладонь с растопыренными пальцами на свою грудь, – удобнее смотреть прямо. А иначе шея затечет.

– А на что смотреть? На океан? – разочарованно протянула она.

– На секунду мне показалось, что я слышу в твоем голосе нотку совершенно неуместного пренебрежения, – тон его был серьезен и в то же самое время насмешлив. – Ты не права. Попробуй посмотреть на океан не как обыватель, а как философ. Что ты видишь?

– Ну... – она запнулась, честно пытаясь выйти из своего образа, – очень...много воды. Темно...серо-синего цвета. Высокие волны и сильный ветер. Все как всегда... Так пойдет?

Журналистка выжидающе заглянула ему в глаза, и он вежливо подождал секунд тридцать, но добавить к сказанному ей было нечего, а взгляд ее вдобавок ко всему стал колючим – она явно ждала насмешки с его стороны.

– Нет, – он покачал головой. – Но ты старайся. А пока давай по порядку... Океан – это не «очень много воды». Это

– одна вода. Чувствуешь разницу?

– Нет.

– Вокруг тебя одна вода, только вода и ничего кроме воды. И тебе не понятно – где ты. В центре? А может, на окраине – и там, за горизонтом, ее конец? Ты не можешь этого понять, потому что вокруг тебя только Океан. И как это не банально звучит – он живой, он дышит, он постоянно в движении во всех направлениях сразу и одновременно в никуда. Прислушайся, он с тобой разговаривает – и не его вина в том, что ты его не понимаешь. Его цвет – стальной и иссиня черный – цвет силы, мощи и удивительного спокойствия, потому что он жил миллионы лет до тебя, и проживет еще столько же после тебя, потому что у него позади целая вечность и впереди она же, потому что глубина его – это не метры, это спрессованное чудовищным давлением время – время, которое для него остановилось и потеряло всякий смысл. Он автономен, и ни в ком не нуждается, он есть боевая единица сама в себе, способная справиться с любой мыслимой и не мыслимой неожиданностью. Он везде – в свете, в воздухе – ты видишь и осязаешь только его, ты в прямом смысле им дышишь. И ты чувствуешь этот вкус – горький и солоноватый – вкус своего абсолютного одиночества, собственной ничтожности и полного бессилия. Твоя жизнь для него лишь мгновение, потому что он – Вселенная, а ты – никто, и звать тебя никак.

– Поразил, – призналась она после непродолжительного

молчания и добавила: – И очень романтично...

– Нет.

– Что «нет»?

– Не романтично.

– Почему?

– Потому что страшно.

На этот раз молчание длилось минуты две, девушка явно переварила услышанное, взгляд ее при этом изменился – стал настороженным, внешне она подобралась – со стороны это выглядело так, как будто она пытается втиснуться в стену рубки, стать с ней единым целым. Как будто так безопаснее, усмехнулся он.

– Наверное, ты прав, – она смахнула с ресниц капельки влаги и чуть заметно кивнула головой, – волны-то действительно большие.

– Где? – он даже повернул голову в ее сторону.

– Ну... Везде, – она сделала неопределенный жест. – Во-круг.

– Господь с тобой, золотая рыбка... Это, – он ткнул пальцем за борт, – не волны.

– Как так?

– Ты со шкалой Бофорта знакома?

– Нет. А что это? – заинтересовалась она.

– Это классическая система измерения, – вздохнув, начал он, при этом голос его приобрел менторский оттенок, совсем чуть-чуть, но приобрел, – с помощью которой характеризу-

ют стихийные бедствия, как на море, так и на суше. Представляет собой некую шкалу в 12 баллов. Была разработана в 1805 году английским адмиралом, сэром Френсисом Бофортом, и исправно действует по сей день.

– И...?

– Согласно ей сейчас волнение океана можно оценить... – он привстал для лучшего обзора, – ...в четыре балла. Данный раздел называется «Умеренный» – ветер от 5,5 до 7,9 метров в секунду.

– По-моему, – возразила она, – это достаточно сильный...

– Не говори ерундой. На суше такой ветер всего лишь поднимает пыль и мусор, а также приводит в действие тонкие, я подчеркиваю – тонкие, ветви деревьев. И максимальная высота волн – полтора метра. Только и всего.

– А выглядит пугающе... – она поежилась.

– Интересно будет послушать, – он попытался, но не смог подавить зевок, – что ты скажешь завтра утром.

– А в чем проблема?

– Смотри.

– Прямо? – улыбнулась она.

– Нет. Наверх, – показал он глазами. – Видишь эти тонкие и многослойные облака? Оцени, как они словно закрывают небо и заходящее Солнце пеленой – этакая закатная дымка.

– Ну да, – она озадаченно потерла щеку, – вижу. Красиво. И что?

– Сегодня красиво, не спорю. Да только у таких облаков

есть имя собственное – называются они перисто-слоистые. И появление их во все времена считалось верным признаком наступающего шторма.

– А чем это чревато? – она чуть сдвинула брови, эта мимика была ему уже знакома, таким образом она выражала свою обеспокоенность.

– У Бофорта шторма, они же бури, делятся на три класса, – пояснил он. – В шкале им отводятся позиции с девятой по одиннадцатую. Позиция номер девять – «Шторм», сила ветра... – он прищурил правый глаз, одновременно поднимая левый к перисто-слоистым облакам, – ...от 20,8 до 24,4 метров в секунду. На море в этот момент обычно наблюдаются волны высотой в среднем 7 метров, отдельные – 10 метров, с пенистыми шапками. Разрушаясь, волны часто образуют множество брызг, которые заметно ухудшают обзор. А на суше, чтобы ты понимала, ветер начинает разрушать крыши зданий.

– Откуда ты это все знаешь?... – хрипло и тихо спросила она.

– Книжки читаю, – пояснил он. – Идем дальше. Позиция номер десять – «Сильный шторм», сила ветра от 24,5 до 28,4 метров в секунду. Во время такого стихийного бедствия море покрывается большими и тяжелыми волнами высотой около 9 метров, самые большие из них – до 12,5 метров, которые имеют изогнутые длинные гребни. Поверхность воды местами буквально белая от пены, которая выдувается вет-

ром большими хлопьями в виде густых белых полос. Красиво, наверное... – он придал своему голосу мечтательную интонацию. – Сами же волны, сталкиваясь и разрушаясь, создают оглушительный грохот. Кстати, никогда не видел и не слышал – интересно было бы посмотреть и оценить сей момент... Суша интересует?

Она кивнула головой – выглядело до крайности забавно, судно в этот момент кивнуло носом, соскользнув с очередной волны – получилось синхронно.

– На твердой земле наблюдаются значительные разрушения строений, ветер вырывает деревья с корнем, я один раз подобное видел у себя в... – он сделал небольшую паузу, – ...не важно. На Урале, в общем. Там ветер полосами лес валит – метров пятнадцать шириной и метров семьдесят длиной. А сосны были неслабыми – диаметром до полуметра и высотой метров под двадцать-двадцать пять. Внушает?

Журналистка опять кивнула головой – брови сдвинулись сильнее.

– То-то! – он в шутку снисходительно потрепал ее по плечу. – И, наконец, позиция номер одиннадцать – «Жестокий шторм», сила ветра от 28,5 до 32,6 метров в секунду. Средняя высота волн составляет 11-12 метров, а самые крупные из них могут достигать 16 метров. Как правило, этого вполне достаточно, чтобы на время, или навсегда, полностью покрыть водой небольшое или среднее судно, – он оценивающе огляделся по сторонам, – такое, как наше, например. Види-

мость на море очень плохая, края волн повсюду сдуваются в пену.

– Это как? – брови девушки, казалось, слились в единое целое.

– А я знаю? – пожал он плечами. – Так гласит официальный источник, я лично при этом еще не присутствовал. Что же касается суши, то я за нее очень рад, поскольку данная разновидность шторма на ней наблюдается чрезвычайно редко. Поэтому описание его последствий крайне расплывчато – «большие разрушения на значительном пространстве». Как конкретно выглядят эти самые «большие» и «значительное» – источник без понятия, а я тем более.

– А наш капитан в курсе всего этого?

– О классификации штормов по шкале Бофорта? – прищурился он.

– Нет, о том, что шторм приближается?

– Если в Internet информация была, то да, в курсе. Но я сомневаюсь – ты же видела отношение его и команды к моим, – он сделал руками несколько пассивных маневров фокусника или колдуна, – пророчествам?

– Но ведь по рации береговая охрана или служба спасения должны передать штормовое предупреждение?

– Должны. Может, и передали уже. Но у нашей рации аккумулятор сдох два дня назад. Разряжается быстро – его на пять-шесть часов хватает, а аварийного питания от генератора или движков моих, увы, не предусмотрено.

– А...если ты прав, в какой шторм попадем мы?

– Не знаю, – разведя руками, признался он. – Но если я прав, ночью ветер должен усилиться. В лучшем случае будет шесть баллов – волны по три-четыре метра с брызгами. Ты когда-нибудь слышала, как провода электрические гудят?

– Да.

– Когда зонтики наизнанку выворачивает?

– Конечно.

– Вот это шесть баллов и есть.

– Поняла. А в худшем случае?

– Семь-восемь баллов. Волны от пяти до семи метров. И ветер метров 17-20 в секунду. У вас в Штатах, кстати, такое бывает – это когда против ветра идти трудно. Так что, если ночью спать не будешь – можешь на палубу выйти и посмотреть. Но лучше не надо.

– Почему?

– Смует к чертям.

– К каким? – у нее был крайне растерянный вид и взгляд потерявшегося ребенка.

– Ну... К морским конечно.

На этом их разговор прервался, появившийся Нуэртес недвусмысленным жестом дал ему понять, что капитан ждет его в рубке. Вопрос на самом деле был пустяковый – тот хотел знать о расходе дизеля и том, хватит ли его на обратный путь, если погода и дальше начнет ухудшаться и придется идти против ветра. Уже сейчас в час они делали не больше два-

дцати миль, что и вызвало озабоченность сеньора Марьентеса.

Хватит, успокоил он его, до Ада, говорят, через океан быстрее добираться – плотность воды меньше, чем земли и скальных пород.

И что, раздраженно бросил капитан, прикажешь теперь назад поворачивать? Неплохо было бы, отреагировал моторист, да только не я тут приказы отдаю. А как же деньги за фрахт, удивился помощник капитана, тебе что, деньги не нужны? Александр Македонский завещал поместить себя в гроб таким образом, чтобы руки его были снаружи, совершенно не к месту поведаль майор, знаете почему? Нет, ответили оба.

Он хотел в назидание потомкам показать, что все свои заслуги и богатства в загробную жизнь не возьмешь, «дабы каждый мог узреть, что руки мои пусты, ибо жизнь – это тлен, а богатство – дым, и не взять ничего из жизни этой, кроме двух монет, да те не себе», процитировал он.

Достал ты уже, Crazy, со своим черным юмором, тебе что, никто не говорил? О чем не говорил, капитан? Что шутки рано или поздно могут стать реальностью?

А не шутка это, пожал плечами Crazy, это факт исторический. Так и я не шучу, без тени улыбки поведаль Марьентес, могу тебе путевку в Ад хоть сейчас организовать – за борт сам шагнешь или помочь? Ага, попробуй, майор демонстративно расстегнул обе кобуры – мне акулы только спасибо

скажут – говорят, опять же, что они только на движущуюся добычу реагируют, но доподлинно сие не известно. В любом случае, когда в Аду лет через сорок встретимся, вы мне и расскажете, так ли это.

Капитан переглянулся со своим помощником, и оба захотали во весь голос. Нет, хорош, а на самом деле, без дураков, дизеля-то хватит?

Да хватит, хватит, и туда, и обратно и еще раз туда. Ну и распрекрасно, Марьентес хлопнул его по плечу.

И до Ада хватит, упрямо повторил моторист, глядя капитану прямо в глаза.

Он лежал на лежаке и наблюдал за полетом летучей мыши. Лежак сохранял неподвижность относительно судна благодаря четырем болтам, которыми был накрепко вмурован в переборку, а в качестве летучей мыши выступала мышь обыкновенная, которую каким-то чудом занесло на борт пару недель назад. Поймана она была при помощи старинной советской мышеловки «Пять копеек», состоявшей из литровой банки, кусочка сыра на скотче и монеты в 50 чешских крон, после чего он поместил ее в клетку, подвешенную к потолку.

Вестибулярный аппарат у грызуна оказался на уровне – волнение в пять-шесть баллов он переносил «на ура». Клет-

ка сама по себе была тяжелой, но при таком волнении раскачивалась хорошо – в этом случае мышь гордо именовалась летучей. С трудом проглотив очередной комок в горле, он, глядя на спокойную мышь, сделал вывод, что на самом деле клетка висит строго вертикально – это судно раскачивается относительно нее.

Света в моторном отсеке было чуть – тусклый плафон был запитан от генератора напрямую, но лампочку он ввернул туда на 20 ватт, основное же освещение он включал только во время регламентных или ремонтных работ. Полумрак позволял лучше сосредотачиваться, да и во время качки здорово помогал – глазу не за что было зацепиться, и тошнота одолевала не всегда и не слишком. Ему вообще казалось, что он парит в темноте, не один конечно, с летучей мышью – вдвоем, то есть – а плафон выступает в роли далекого и тусклого Солнца.

*...И что весь мир – бардак, я чувствую и знаю.
И люди все почти на этом свете – твари.
Дерутся из-за места, под Солнцем место дай,
А Солнце светит тускло, как проклятый фонарь...*

Он улыбнулся, улыбка получилась не очень-то веселой, а как ты хотел, в переводе с греческого «ностальгия» – это боль. А воспоминания о прошлом редко когда бывают другими. По крайней мере, у тебя. Да, согласился он, по край-

ней мере, у меня.

И дело вовсе не в том, что все было плохо – наоборот, все было хорошо, а иногда, правда, очень редко – слишком хорошо. А иначе ностальгия не накатывала бы настолько отчетливо, что становилось не понятно – где шторм реальной? – за бортом или у тебя в душе? Обычно это происходило перед каким-либо важным событием, своего рода предчувствие, что скоро произойдет нечто глобальное – и все, чем ты живешь в настоящем, в одно мгновение станет прошлым.

Закроется очередная дверь, отрезав тебя от прожитого, или прожитое отрезав от тебя, какая разница, ведь от перестановки слагаемых сумма не изменится – а была ли эта дверь той самой Дверью В Лето, ты узнаешь потом – а может, и вообще не узнаешь.

Но ведь ты к этому готов? Готов, подтвердил он, засыпая, скорее бы – неизвестность пугает больше, чем ощущение уже свершившего факта. И тебя не волнует, что там, по другую сторону двери? Абсолютно, он равнодушно пожал плечами, я ведь не могу изменить еще не наступившее будущее – а какой смысл тогда волноваться? Вот когда оно наступит, тогда и посмотрим – в чем сила, брат. В деньгах? В правде? А может и в том, и в другом – и истина, как, впрочем, и всегда, окажется где-то рядом и посередине.

В двух искрящихся тяжелой и благородной чернотой пистолетах ТТ.

Он проснулся от резкого толчка, правильнее было сказать, от удара в плечо. Скосив глаза на виновницу внезапного пробуждения, он поморщился:

– Бить-то зачем?

Тут до него дошла вся нелогичность ситуации – стандартной конструкцией их судна была предусмотрена сквозная связь всех кают и помещений – как на подводной лодке. Однако помешанный на живучести корабля капитан Марьентес мириться с этим не стал.

В трюм с палубы можно было попасть тремя способами: первым – самым простым, через рубку, вторым – через фор-люк и третьим – через ахтерлюк¹⁸. Таким образом, корабль был поделен на три герметичные и изолированные друг от друга части – моторный отсек был одной из них, люк в грот-трюм¹⁹ был заварен наглухо. Надо сказать, что в следующем же рейсе это себя оправдало – во время шторма фор-люк был сорван и передний грузовой отсек был затоплен на треть – на общей устойчивости судна это почти не отразилось, зато основной груз удалось спасти.

– Ты как сюда попала?! – вопрос сам по себе был риторическим, попасть в моторный отсек можно было только через палубу и, судя по амплитуде клетки, через семь баллов Ти-

¹⁸ Фор-люк – передний грузовой люк, ахтерлюк – кормовой люк.

¹⁹ Грот-трюм – средний судовой трюм.

хого океана.

– Чудом, – ответила она, убирая со лба мокрые волосы.

– На теплом месте не сидится? – он встал и протянул ей одеяло. – Или у тебя утренние процедуры? Как там, кстати?

– Ужасно, – она закуталась по самые глаза. – Я такого никогда не видела, все куда-то летит, кувыркается, грохочет, вода со всех сторон. Капитан думал, что к утру все успокоится, а на самом деле все только хуже становится.

– Который час?

– Почти семь.

– У тебя часы с собой?

Одеяло пришло в движение, и из его складок торжествуя появилась ее левая рука с часами на запястье.

– Это хорошо, – он сел на снятый вчера кожаных генератора. – Когда я скажу «давай», засекаешь время, а когда «стоп» – говоришь, сколько прошло секунд. Поняла?

– Ага.

– Готова?

– Да.

Он замолчал, сосредоточенно уставившись куда-то в угол, ожидая только ему одному известного события. Шли секунды, и ничего не происходило – если не считать хаотичной качки. Ей даже показалось, что он задумался о чем-то совершенно постороннем, настолько отрешенным был у него вид.

– Давай!

Журналистка чуть было не пропустила команду – помог-

ло то, что именно в этот миг она бросила взгляд на циферблат. Секундная стрелка методично отщелкивала секунды, он смотрел, как девушка старательно повторяет каждую цифру, беззвучно шевеля губами, при этом сгибая, а затем последовательно разгибая пальцы на правой руке.

– Стоп!

– Двадцать две секунды.

Он кивнул головой, задумчиво уставившись на летучую мышь. Та начала проявлять первые признаки беспокойства – вяло попискивала время от времени, крепко вцепившись всеми четырьмя лапками в подстилку. Все ж-таки укачало, не менее вяло отметил он.

– Это плохо? – напряженно спросила она.

– У нас в стране была такая рок-группа – «Кино». Может, слышала?

– Нет.

– Ну, еще бы... Так вот, в 1986 году была написана песня «Фильмы»...

– При чем здесь...?

– «Ты смотришь мне в глаза, а я смотрю вперед,

Ты говоришь, что я похож на киноактера,

И ты меня зовешь, а я иду домой,

Я знал, что будет плохо, но не знал, что так скоро», – процитировал он.

– Поясни, – внезапно охрипшим голосом попросила она.

– У меня есть знакомый серфер – это я к тому, что ин-

формацию я получил от него, а не через академические издания, – пояснил он. – Так вот, человек он отмороженный, как и другие представители древней профессии катания на доске по волнам, и, с целью найти волну побольше, постоянно мониторит Internet – есть какой-то сайт, который позволяет смотреть характеристики, фиксируемые автоматическими буями в океане. Все характеристики ему не нужны, он смотрит только интервал между волнами – по ней он определяет высоту волн.

– Это как?

– Это просто. Например, интервал между волнами в пятнадцать секунд соответствует пятиметровым волнам.

– Понятно... – протянула она. – А двадцать две секунды?

– Семь-восемь метров. Так что, если ты никогда раньше не видела шторма, то это он и есть. Обычный, стандартный девятибалльный шторм.

– А что ты подразумевал, когда цитировал песню? «Я знал, что будет плохо, но не знал, что так скоро», – повторила она. – Что тебя напрягает?

– Скорость, – он попытался откинуться назад, но корабль качнуло навстречу, и он получил достаточно болезненный встречный удар бортом по спине. – Скорость, с которой четыре вечерних балла превратились в девять утренних.

– Какой цифры нам следует бояться?

– Я тебе так скажу, – поморщившись, он осторожно потянулся, опасливо покосившись назад. – В середине января

пару-тройку лет назад один буй в Атлантике показал интервал между волнами в сорок секунд. Волны были за десять метров, доходили до пятнадцати – это одиннадцать баллов. Приятель мой тогда славно повеселился у побережья Португалии, чего нельзя сказать о других серферах, их тогда трое утонуло.

– И что теперь делать?

– Не знаю, – он искренне пожал плечами. – Молиться, наверное. Только, во-первых, это вряд ли поможет, а во-вторых, это без меня.

– Почему? Ты атеист – не веришь в бога?

– Не совсем. Я не верю в вашего бога.

– А-а... – она недоуменно посмотрела на него. – Что значит «вашего бога»? Разве есть другие?

– Вот что мне нравится в вас, американцах, так это ваша незамутненность. Вы ведь на полном серьезе считаете, что есть только два мнения – ваше и неправильное. В очередной раз тебя разочарую – у меня есть свой бог – Цебуги-Дзен, бог мщения.

– Да ты что?! – она образцово-показательно всплеснула руками.

– Ага. Строго говоря, в миру он известен как Цакуга-Дзен – самурайский дух. Но поскольку японскую грамматику я в совершенстве так и не освоил, то произошло банальное замещение имен. Мне мой вариант, кстати, больше нравится.

– И молитвы к нему есть?

– Есть. Только в единственном числе, – поправил он ее.

– А прочитай.

– Вообще-то, – тон его неожиданно стал серьезным, – эта молитва к тебе отношения не имеет, поскольку она за врагов.

– Откуда знаешь? – она хитро прищурилась. – Может, я твой враг. Тайный.

– С другой стороны, – он прищурился не менее хитро, – нигде не сказано, что ее нельзя читать авансом...

– И...?

– Ладно, бог твой да прибудет с тобой. Слушай, – он сделал пару глубоких вдохов, закрыл глаза и начал:

– Благослови врагов моих, Цебуги-Дзен. И я их благословляю и не кляню.

Они бичевали меня, когда я сам жалел бить себя.

Они мучили меня, когда я от мук бегал.

Они поносили меня, когда я льстил себе.

Они плевали в меня, когда я был горд собой.

Когда я считал себя мудрым, они называли меня безумцем.

Благослови врагов моих, Цебуги-Дзен. И я их благословляю и не кляню.

Когда я считал себя сильным, они смеялись надо мной, как над карликом.

Когда я стремился быть первым, они теснили меня к последним.

Когда я стремился к богатству, они били меня по рукам

наотмашь.

Когда я собирался спать мирно, они будили меня ото сна.

Когда я строил дом для долгой и тихой жизни, они разрушали его и изгоняли меня.

Воистину, трудно сказать, кто сделал мне больше добра, и кто причинил больше зла – враги или друзья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.